

ЖИТИЕ СВ. СЕРАФИМА ИЗ МОНТЕГРАНАРО

В переводе Константина Чарухина

Пер. с лат. Vita S. Seraphini Asculani seu a Monte Granario, in Ordine Fratrum Minorum Capuccinorum laici professi, auctore Zacharia Boverio. In: Acta Sanctorum Octobris, tom. VII, quo dies decimus quintus et decimus sextus continentur. Bruxellis: apud Alphonsum Greuse, 1845, ad diem 12 Octobris, pp. 129–155

ПРОЛОГ

[1] Недавно из края Пиценского¹ воссиял среди светил монашества славнейший и бессмертной памяти достойный муж – Серафим из Монтегранаро, брат-мирянин, прославленный множественными победами духовными. Подобно новому чуду света, он по праву обращает на себя взоры всех, ибо блистает таким светом небесных добродетелей, таким великолепием святости и, наконец, таким несказанным величием знамений и чудес, что назвать его просто небесным мужем было бы недостаточно; если назову его ангелоподобным, то и этим не воздам ему должной хвалы; разве что, опираясь на само имя, дарованное ему, которому столь дивно соответствуют его деяния, назову его существом серафическим. Поэтому, приступая к рассказу о нем, я, хотя обилие материала и вынуждает меня к повествованию несколько более пространному, все же постараюсь не отступать от намеренной краткости.

[2] Как известно каждому, Бог от начала творения создал твердь небесную с тем, чтобы звезды, сияя на ней в ночи своим светом и непрестанно сменяя друг друга – одни восходя, другие заходя, – озаряли мир. Подобным же образом Всевышний Господь, основав на земле Церковь как сияющую твердь истины, пожелал украсить ее бесчисленным сонмом праведников. Подобно звездам, они должны были освещать путь смертным светом своих добродетелей, каждый восходя и заходя в свое время, сияя кто меньшим, а кто большим светом. Ибо, как говорит Апостол: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых» (1 Кор. 15:41-42).

До сих пор мы видели многих славных мужей веры, которые, подобно звездам на этой тверди, сияли светом своих добродетелей – кто ярче, кто слабее. Теперь же нам предстоит воззреть на то, как некое легкое и малое облачко пара, изведенное из самых недр земли силою неизменного Божественного Солнца, было вознесено к высшему сонму звезд. И сделано это было ради того, чтобы те, кто устремляет мысленный взор к совершенству его жизни и сиянию его добродетелей, не просто торжественно ликовали в лучах чужой славы, но, следуя за светом и стопами идущего впереди, поспешали ему подражать. Чтобы, влекомые благоуханием его жизни, они паслись среди ее благоуханных примеров, как среди лилий, «доколе день дышит прохладой, и убегают тени» (Песн. 2:17). Ибо, как говорит святитель Григорий Двоеслов: «Что иное возвещается через лилии, как не жизнь тех, кто воистину может сказать: "Мы Христово благоухание Богу" (2 Кор. 2:15)? Следовательно, избранные, чтобы достичь вершин, насыщаются, взирая на благоуханную и чистую жизнь праведников. Но поскольку в этой жизни они еще не могут насытиться сполна, то пасутся пока, напиваясь примерами предшествующих отцов. Потому и сказано, что пасутся, доколе не повеет день и не

преклонятся тени. Ведь мы нуждаемся в том, чтобы питаться примерами праведников до тех пор, пока, при наступлении вечного дня, не минем тени нынешней смертности»².

¹ Античная область Пицен (Picenum) соответствует территории современного итальянского региона Марке (в основном его центральной и южной части вокруг Асколи-Пичено).

² Lib. 24, Moral. cap. 6. – прим. ред.

ГЛАВА I. ЕГО РОД, РОДИНА, РОДИТЕЛИ; БЛАГОЧЕСТИВОЕ ВОСПИТАНИЕ; ОБУЧЕНИЕ РЕМЕСЛУ КАМЕНЩИКА; ВСТУПЛЕНИЕ В ОРДЕН КАПУЦИНОВ.

[1] Итак, родиной Серафима, к истории жизни которого мы приступаем, был Монтегранаро (“Житная гора” – прим. пер.) – местечко в окрестности Фермо, расположенное неподалеку от этого города. И если можно воздать этому месту хвалу, которую сулит само его имя, то она такова: из его тучной почвы возшло сие малое пшеничное зернышко, которое принесло столь обильные плоды евангельского совершенства, что напитало весь христианский мир благодатной жатвой своих добродетелей.

По крови род его был скромным, ведь Серафим происходил от отца Джироламо, каменщика, и матери Теодоры, женщины простого звания, однако славным добродетелью и благочестием. Набожность Теодоры была столь широко известна в городке, что, когда заходила речь о чьей-либо вере, ее неизменно приводили в пример. Кто ж усомнится (если только по сердцу слушать истину), что в очах Божиих истинной считается знатность не происхождения, а добродетели? «Высшая пред Богом знатность, – говорит святой Иероним, – это быть прославленным добродетелями» (*Epist. 14 ad Celantiam. — прим. ред.*). Кто среди мужей пред Богом знатнее Петра, который был всего лишь нищим рыбаком? Кто среди жен славнее блаженной Марии, которая зовется обручницей простого ремесленника? Однако же именно тому нищему рыбаку Господь вверил ключи от Небесного Царства; и именно эта Невеста ремесленника удостоилась стать Матерью Того, Кто Своей всемогущей силой сотворил и устроил весь мир. Ибо, как сказано, «незнатное мира и уничиженное... избрал Бог» (ср. 1 Кор. 1:28), дабы сильных и знатных легче было привести к смирению.

[2] Итак, у Джироламо и Теодоры родилось двое сыновей: старший, Силенцио, и Феличе, который впоследствии среди нас стал зваться Серафимом. Силенцио пошел по стопам отца, перенимая его ремесло, Феличе же, опекаемый матерью, впитал первые семена благочестия вместе с ее молоком. И хотя вера родителей сама по себе часто служит доброй почвой для веры детей, однако, когда к ней прибавляется благое воспитание с самой колыбели, образ добродетели легко запечатлевается в детской душе, словно на мягком воске. Так Феличе почерпнул первые начатки благочестия от матери, но еще большую помощь он получил от небесной благодати Того, Кто от чрева матери призвал его войти в число сынов Божиих и обрести их достоинство (ср. Ис. 49:1; Гал. 1:15). В самом нежном возрасте он с невероятным пылом устремлялся к божественному, опережая свои годы и не походя на обычных мальчишек, так что самым горячим его желанием было присутствовать при святах Таинствах, со вниманием слушать слово Божие, благоговейно посещать храмы, читать розарий, искать уединенные места для молитвы и, отбросив все детские забавы, с воздыханиями предаваться молитвенному деланию.

Пока Феличе прилежал к этим занятиям в родительском доме, отец, теснимый крайней нуждой, отдал отрока в работники к одному крестьянину, и тот поручил ему пасти свои стада. Однако мальчик, чьи помыслы были устремлены к горнему, покорно исполняя эту работу из послушания отцу, с еще большей бдительностью хранил душу свою. Пока стада блуждали по лугам в поисках корма, он удалялся в укромное место, где мог предстать пред единым Богом, и там, преклонив колени, пас свою душу. С наступлением же вечера, загнав стада в стойло и поужинав вместе с остальными, он тотчас уходил от всех, чтобы возобновить прерванную молитву к Господу. И такое правило сей отрок соблюдал неукоснительно.

[3] Когда Феличе достиг юношеского возраста, умер его отец Джироламо. Старший брат, Силенцио, отозвал Феличе домой и принудил осваивать начала каменщицкого ремесла. Силенцио был человеком грубым, суровым и скорым на гнев; потому случалось ему на пустом месте и по малейшему поводу осыпать Феличе бранью, а часто и избивать. Казалось, он тем сильнее впадал в ярость оттого, что Феличе в ту пору имел обыкновение три дня в неделю поститься, довольствуясь лишь хлебом и водой, и все усерднее предавался молитве. Поскольку же юноша во время трапезы часто уходил от остальных, чтобы посвятить себя посту и молитве, Силенцио принимал это с таким раздражением, что то и дело осыпал брата тумакami. Истинным же виновником всего этого был сам сатана, который распалял гнев Силенцио, желая отвлечь Феличе от его небесного устремления. Однако враг, не ведая замысла Божия, сам того не желая, послужил божественному делу: ведь через эти суровые и жестокие испытания Господь, словно золото в горниле (ср. Прем. 3:6), очищал Феличе и готовил его, дабы в конце концов отлить из него дивный сосуд на службу делу Божию.

[4] Феличе долгое время с величайшим терпением сносил эти обиды. Но вот однажды случилось так, что некий Никколо, имевший обыкновение принимать у себя братьев-капуцинов в местечке Лауро (пока для них там не был выстроен монастырь), решил возвести голубятню. Он нанял для этой работы Силенцио. И пока братья трудились на постройке, Феличе по своему обыкновению продолжал хранить посты и строго соблюдать время молитвы.

У Никколо была дочь, девица по имени Лодовика. Заметив, как часто юноша постится и молится, она стала иногда готовить для него пищу, дозволенную в Четыредесятницу. Но Феличе отказывался и от нее, чем приводил девушку в немалое удивление. Еще больше она поражалась его благочестию, когда вслух читала книгу Дионисия Картузианца «О четырех последних вещах», а Феличе ловил каждое ее слово, внимая так, словно слушал небесное откровение. И вот, когда Лодовика в очередной раз читала вслух о райских радостях, адских муках и Страшном суде, душа Феличе пришла в такое волнение, что он воскликнул:

— О Лодовика, что же нам делать, если дела наши будут судить столь строго? Нужно бежать в пустыню и принять жизнь отшельническую!

На это Лодовика ему ответила:

— К чему ты вспомнил об отшельниках? Тебе нужно идти к капуцинам, а не в пустынники!

До того дня Феличе ничего не знал о капуцинах и никогда их не видел, а потому стал расспрашивать, кто они такие. Когда же девушка описала ему их жизнь, уклад и иноческие правила, сердце Феличе загорелось горячим желанием к ним присоединиться. Он стал всё чаще беседовать с ней о капуцинах и вскоре узнал, что братья живут в постоянной обители в Толентино, находившемся неподалеку.

[5] Когда в душе Феличе созрело вдохновенное Самим Богом намерение принять иночество, он, не в силах более таить в глубине сердца это зажженное Господом пламя, без ведома брата

отправился в Толентино, где и открыл братьям-капуцинам свое сердечное желание. Поначалу те сочли дело затруднительным из-за бедности его овдовевшей матери; но когда они приняли в расчет старшего брата Силенцио (на которого ложилась забота о ней), к Феличе вернулась добрая надежда, и он отправился назад в Лауро. Там он навлек на себя еще более жестокие нападки брата за самовольную отлучку, но перенес всё с величайшим терпением. Он так долго и с таким непреклонным упорством духа стучался в двери обители, что еще до завершения постройки голубятни провинциальный викарий принял его в лоно ордена, и юноша начал свое духовное служение, приняв имя Серафим.

[6] Насколько же дивно сияет здесь премудрость Божия, легко поймут те, кто поразмыслит об обращении этого мужа, ведь впоследствии его жизнь и слава пред Богом и людьми возросли так, что его по праву можно причислить к славнейшим мужам мира. Однако же обращение его свершилось не через небесное знамение, не через глас Господень (как некогда у Савла) и не громовым призывом какого-нибудь выдающегося проповедника слова Божия, но началось и исполнилось через слово некоей слабой девушки, «для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1:29). И чем более немощными казались самые истоки его призвания, тем яснее в них виделась воля Божия.

Серафим, прекрасно осознавая, что начало его обращения было положено именно Лодовикой, пожелал принести ей зримое свидетельство своей благодарности. По прошествии нескольких лет, когда в Лауро уже выстроили монастырь, он однажды прибыл туда и, узнав, что Лодовика тем временем вышла замуж за почтенного человека, обратился к ней с такими словами:

— Многим, о Лодовика, я обязан твоим советам и благочестивым наставлениям, которые привели меня в лоно нашего ордена. Искренне признаюсь: сколько бы сил я ни приложил, мне никогда не отплатить тебе за эту услугу сполна, ибо благодеяние твое ко мне таково, что никакой моей признательности не будет достаточно. Но дабы не оставить тебя без всякого изъявления моей благодарности, я порадую тебя хотя бы счастливой и долгожданной вестью. Знай же, что твой отец Никколо и мать Петручча уже стяжали небесную славу в сонме блаженных!

На что она ему:

— О, если бы это было так! Поистине, для меня не могло бы быть вести более желанной.

А Серафим молвил:

— Если должно верить очевидцу (а я этими вот глазами видел их торжествующими в небесном отечестве), то и тебе подобает поверить моим словам.

ГЛАВА II. ЕГО ГЛАВНЫЕ ДОБРОДЕЛИ: ВОЗДЕРЖАНИЕ, БЕДНОСТЬ, ПОСЛУШАНИЕ, ЦЕЛОМУДРИЕ И СМирЕНИЕ.

[7] Итак, Серафим, облачившийся у капуцинов в серафическое одеяние, словно в крепкую броню, прекрасно понимал, что Господь призвал его в иноческий стан не ради праздного досуга и покоя, но для непрестанной битвы с врагами. Посему, едва препоясавшись поясом серафического воинства, он тотчас объявил войну всем врагам духа. И зная, что нет такого места, где бы не таился враг, он не только остерегался его вездесущих козней, но и сам повсюду теснил противника и преследовал.

Известно правило ведения войны: если в пределах царства скрываются внутренние враги и мятежники, их надлежит усмирить всеми силами в первую очередь, дабы они не вступили в сговор с неприятелем и не подняли в стране бунт, что привело бы к неминуемой гибели. Этому мудрейшему правилу и последовал Серафим. Ясно и отчетливо видя, что именно плоть является тем самым жестоким внутренним врагом и мятежником, восстающим против духа, он первым делом пошел войной на нее, во всем следуя примеру апостола Павла. Об этом сражении святой Августин говорит так: «Именно об этой битве говорил Павел в словах: "И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух" (1 Кор. 9:26). И если бы кто-нибудь возразил ему: "Кто же твой противник и где тот, с кем ты бьешься?", апостол отвечает: "Но усмиряю и поработаю тело мое" (1 Кор. 9:27). Иными словами: враг, с которым я сражаюсь, находится не в воздухе, а в моем собственном теле; это похоть, враждебная моей жизни, которая всякий миг уязвляет и жалит меня, бегущего и желающего угодить Богу, дабы преткнуть меня на пути моего подвига и сделать победителем своего творца, дьявола. Вот почему я усмиряю мое тело, в котором ношу моего врага» (*Lib. 4 Nurognosticon. — прим. ред.*).

Потому и Серафим, подвергнув плоть суровой осаде и лишив ее провианта, истончал свое тело столь строгим воздержанием, что, помимо тех трехдневных еженедельных постов на одном лишь хлебе и воде, которые он привык совершать еще с юношеских лет, неукоснительно хранил все четыредесятницы, установленные святым отцом нашим Франциском (которые охватывают почти весь годовой круг), и в это время он даже по вечерам совершенно не вкушал никаких плодов и не принимал питья.

[8] Но поскольку длительный пост на хлебе и воде довел его до такой немощи, что вместе с мочой у него стала отходить кровь, Серафим оставил столь суровое воздержание, возвращаясь к нему лишь в канун самых торжественных праздников. В прочие же дни он довольствовался одной похлебкой, которую зачастую еще и посыпал пеплом, причем имел обыкновение столь искусно воздерживаться от любой мясной и рыбной снеди, что едва ли кто мог это заметить.

Для своих почти ежедневных постов он установил меру: съедать не более половины хлеба. К этому его побуждал пример святого Павла Первого Отшельника, которому Бог посылал через ворона именно половину хлеба. Однако в пору оскудения пищи он, чтобы подкормить нищих, урезал свою половину до четверти.

Вне же времени общей трапезы он решительно отказывался от любой пищи и питья. Даже в летний зной, сгорая от жажды во время сбора подаяния и часто слушая уговоры друзей отведать вина, он ни разу не поел, не попил. Воздержание этого мужа достигло такой степени, что вкушение пищи не приносило ему ни малейшего плотского удовольствия: не вкус, а лишь нужда естества требовала пропитания.

При этом никто никогда не видел, чтобы он угрюмо, или язвительно, или сурово обличал чужие слабости; напротив, некая степенная радость на лице его, соединенная с милосердной благодатью, так утешала души других, что и в немощи всех поддерживала.

[9] Но серафическому ратоборцу было мало взять плоть в суровую осаду воздержанием — он жаждал пронзить ее многообразными копьями аскезы. По слову Григория, плоть питается мягким и нежится в приятном: «Ибо как плоть, — молвит он, — питается мягким, так душа — суровым. Плоть расслабляется от неги, душа же закаляется в лишениях; первая пресыщается удовольствиями, вторая же оживотворяется горечью; и как суровость ранит плоть, так изнеженность убивает дух; как тяжкие труды губят первую, так плотские утехи гасят второй» (*Lib. 10 Moral. cap. 13. — прим. ред.*).

Посему, дабы сей внутренний враг не обнаглел от поблажек, Серафим денно и ночью умирал его ужасно колючей власяницей и каждый день наносил себе бичом такие суровые удары, что вся земля вокруг орошалась кровью. Ибо этот доблестный воин Христов, сплетший себе бич из острых гвоздей, почитал за бесчестье выйти из боя, не пустив кровь врагу. И не было, наконец, такого жестокого и сурового рода умерщвления, какому бы он не подвергал собственное тело, которое (вслед за святым Франциском) имел обыкновение называть «ослом» и которое утруждал, как осла.

[10] Вследствие этого он сделался столь строгим ревнителем бедности, что не только хранил душу свою свободной от всякого стремления к земному, но и вовсе чуждался его; вещами же он пользовался не ради удовольствия, а исключительно по необходимости, словно принуждаемый к тому силой. Ибо и хабит он старался выбирать не такой, что был бы лучше да помягче (*melior aut mellior*), но, напротив, похуже и постарее, лишь бы прикрывал наготу и отвечал правилам приличия. Он не спешил менять изорванную рясу, но обычно носил ее, залатанную множеством лоскутов, до состояния крайней ветхости. Такими же были и его нижнее белье, пояс и сандалии: от ветхости они едва держались на нем.

Поистине, в своей бедности он был куда счастливее тех людей, которые, родившись по природе нагими и нищими, зная, что нагими и нищими им предстоит и уйти в землю, предпочитают возмущать этот краткий жизненный путь, который могли бы пройти налегке и в мире (от рождения в бедности до смерти в бедности), жадной стяжательства, подобной волнам черной бури; тем более что главное, что следует понять о богатстве, – это то, что оно совершенно излишне.

[11] Сверх того, представляя собою цельный и совершенный пример бедности, он имел обыкновение всегда выбирать себе келлию не из тех, что посветлее или поуютнее, а самую темную и убогую – такую, что других бы только отпугнула. И пользовался он ею не столько для жительства или отдыха, сколько для хранения тех нищенских крох, что собирал повсюду в монастыре. И хотя в келье стояла убогая кровать, он очень редко почивал на ней, предпочитая спать на голой земле. Если же иногда и ложился в кровать, то спал не лежа, а сидя, подложив под голову скамеечку, и лишь на краткое время предавался сну.

[12] Итак, обратив таким образом в рабство внутреннего врага, дабы тот не восстал на дух, он уже без опаски обратил затем свое оружие на остальных врагов духовной жизни. Из истории Адама он уразумел, что непослушание было первейшим злом для человека и как бы некоей язвой нашей природы, ставшей, в конце концов, врагом всего человеческого рода. Если наши первородители отвергли его, то легко и без труда достигли бы небесного блаженства, а вместе с ними — и весь род человеческий. Поэтому, когда непослушание овладевает душой человека, в ней не водвориться ни благу, ни заслуге, ни награде, ни добродетели. Ибо, как изрек Григорий: «Одно лишь послушание есть та добродетель, которая насаждает в уме прочие добродетели и сохраняет насаждение» (*Lib. 1 Regnum cap. 15, § 22.* – прим. ред.). Потому и Самуил, укоряя Саула за непослушание, молвил: «Неужели всесожжения и жертвы столько же угодны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овно» (1 Цар. 15:22).

По сей причине он объявил столь ожесточенную войну собственной воле, которая есть родительница и исток всякого непослушания, и с такой силой и рвением преследовал ее вплоть до кончины, что в конце концов заставил ее испустить дух. Ибо после того, как Серафим принес торжественный обет послушания, за ним уже никогда не замечали ни малейших проявлений своеволия, по которым можно было бы сказать, что оно еще живо или имеет силу. Напротив, воля Божия и воля настоятеля (которому он подчинялся как Самому Богу) были запечатлены и словно высечены в его душе, и отсюда рождалось то его совершенное

послушание, при котором он совершенно не умел ни разбирать само поручение, ни доискиваться причин приказа, ни обсуждать способы, намерения, полномочия или цели приказывающего. В уме его было лишь одно — как бы в совершенстве исполнить волю настоятеля. Благодаря этому никакое бремя послушания никогда не казалось ему тяжелым, и никакое упражнение в добродетели он не ставил столь высоко, чтобы не предпочесть ему даже мелкое предписание послушания.

[13] Был у Серафима обычай: в постные дни он всегда отказывался от легкой вечерней трапезы. Взяв за правило соблюдать его с самого начала своего иночества, он ни разу не прервал его на протяжении сорока лет. Однако случилось так, что, когда в монастыре Монте-Филоттрано братья по случаю поста вкушали в трапезной фрукты, а Серафима при этом не было, гвардиан, желая испытать его послушание, приказал позвать его и предложил ему съесть кусок праздничного сдобного хлеба, приправленного фундуком и сахаром.

Что же Серафим? Он не стал размышлять ни о давнем обычае воздержания, соблюдаемом столько лет, ни о нарушении самого поста, ни о несвоевременном приказе настоятеля, ни о чем-либо ином; но, едва услышал слова и уразумел волю приказывающего, отведал сладкого хлеба, прожевал и поел до конца. И вышло так, что эта немедленная готовность к послушанию принесла душам настоятеля и братии куда больше духовного назидания, нежели то долгое добровольное многолетнее воздержание.

[14] Или вот еще, когда в монастыре Асколи гвардиан, дабы испытать его послушание, вручил ему новый хабит, велел переодеться и обойти город, где Серафим ежедневно собирал милостыню, это поручение показалось ему весьма тяжким, ведь до тех пор он всегда носил лишь ветхое и залатанное одеяние. Однако послушание сделало это бремя легким: нимало не воспротивившись приказу настоятеля, он отправляется в город и обходит его улицы.

И когда люди, видя его облаченным в новый, против обыкновения, хабит, стали на каждом шагу поздравлять его с обновкой, он, прикрывая добродетель послушания смирением, шуточно им отвечал: «А что? Неужто мне всю жизнь ходить в лохмотьях да обносках? Не пора ли уже выбраться из них?» Гвардиан же, уразумев по этой немедленной готовности к послушанию, что брат Серафим ведом Духом Божиим, позволил ему вернуться к его прежней нищенской одежде.

[15] Таким образом, когда Серафим отсекал порок непослушания и своеволия мечом послушания и самоотречения, битва с невоздержанностью плоти оказалась для него легкой. И хотя битвы за целомудрие обычно бывают самыми жестокими из-за необузданного натиска плотского вожделения, с Серафимом по особому дару Божию вышло иначе. Подчинив себе врага целомудрия оружием сурового воздержания еще с самых ранних лет, прежде чем тот успел пойти в наступление, он впредь никогда не знал сопротивления: враг всегда сдавался. Так Серафим сохранил первый цвет девственности, пронеся его от рождения в целостности и сохранности вплоть до самой смерти.

Поэтому, когда один близкий брат спросил его, каким оружием он сражается против порока невоздержания, Серафим ответил, что в этой битве он никогда не встречал врага, с которым ему пришлось бы биться. Оттого и получалось так, что он не только не претерпевал никаких самопроизвольных движений плоти, но даже не ощущал нечистых помыслов, с которыми нужно было бы вступать в борьбу.

Впрочем, хотя он и не испытывал свирепых нападков врага на свое целомудрие, все же не тешился надеждою на столь нерушимый мир, чтобы пренебрегать средствами, коими можно было бы подавить неприятеля, если бы тот когда-либо осмелился поднять голову. По этой

причине он установил столь строгое хранение очам своим, что никогда не смотрел ни одной женщине в лицо (ср. Иов. 31:1, Пс. 140:3). Воздерживался он и от знакомства с ними, так что, если того не требовала обязанность сбора милостыни в народе или дела милосердия, он не имел с женщинами никакого общения. Ибо не считал себя сильнее царя Давида, который был повержен видом женщины. Ведь часто близкое общение побеждает тех, кого не смог одолеть порок.

[16] Выиграв эту легкую битву (прежде всего по благодати Божией), он начинает куда более тяжелую войну с гордыней, которая, будучи корнем всех зол и врагом добродетелей, так иссушает своим гибельным дыханием все их ростки, что приводит к гибели. Ибо прочие пороки нападают лишь на те добродетели, которые им противостоят: так, гнев берет приступом терпение, чревоугодие – пост, похоть – целомудрие. Гордыня же, как корень всех пороков, отнюдь не довольствуясь уничтожением одной добродетели, восстает на все силы души и, подобно некой всеобщей чумной болезни, разъедает всё тело.

Потому-то Серафим двинул на нее воинство смирения, словно на предводителя всех пороков, и поражал всякую душевную гордыню таким глубоким познанием самого себя, таким ничтожным мнением о себе, таким самоуничижением и презрением и, наконец, такой жаждой пренебрежения к себе, что алкал унижений непрестанно и ненасытно. Так, однажды некий брат с отвращением сказал ему: «Убирайся отсюда поскорей, твой хабит сильно смердит!» На что Серафим тотчас ответил: «Не только хабит, но и душа моя внутри прескверно смердит».

В другой раз, когда его пригласили на обед к кардиналу, епископу города Асколи, он был вынужден пойти, что обычно было ему весьма в тягость. Дабы подвергнуться всеобщим насмешкам, он улучил удобный случай: когда ему принесли два яйца, которые полагается выпить в самом начале обеда, он, желая показать себя грубым и неотесанным, сделал вид, что выпивает яйцо, и позволил ему стечь по подбородку и бороде. Вызвав тем самым у всех смех, он достиг столь желанного позора.

И еще раз, будучи позван на обед знатным асколанцем Антонио Корнили, дабы не уйти от него без прибыли для своего смирения, он вопреки всем правилам стал есть жидкую похлебку и прочие блюда вилочкой, словно бы желая подражать застольным манерам благородных господ, причем то и дело подносил ко рту пустую вилку. Окружающие рассмеялись, считая его неученым простаком, а он с радостью сложил сие в сокровищницу своего смирения.

А однажды в пути ему встретилось множество мужчин и женщин, которые просили у него благословения. Увидев это, некий инок из другого ордена язвительно заметил: «Серафим, Серафим, неужто ты думаешь этим обмануть Бога?» На что Серафим ответил: «Если бы ты сказал это о людях, которые не умеют проникать в глубины души, ты, пожалуй, был бы прав. Но Бога никто еще не обманывал, а потому и мне Его не провести».

[17] Движимый этим духом смирения, он не только стремился умалиться в глазах окружающих (что само по себе служит доказательством истинного смирения), но и с такой тщательностью старался утаить свои добродетели и щедрые дары Божии, коими был преизобильно наделен, что, если они когда-либо открывались другим, он обычно либо преуменьшал их, являя презрение к самому себе, либо скрывал оговорами, либо, наконец, приписывал их божественному действию.

Потому, когда некий мирянин, слышавший о множестве совершаемых им чудес, обратился к нему с такими словами: «О, сколь блажен ты, Серафим, ныне всегда пребывающий с Богом и ожидающий несомненной награды на небесах!», он, тотчас же с негодованием отвергнув эти слова, молвил: «Что ты прославляешь меня как блаженного? Разве может быть блаженным

величайший из грешников? О, если бы Бог присудил мне терпеть муки чистилища вплоть до дня Страшного суда, как бы я благодарил Господа!»

Дабы не разглашались чудеса, которые силою Божией повсеместно через него совершались, он пытался воспрепятствовать этому порой резкими, а порой шутливыми словами, жуя больных и прочих так: «Берегись, глупыш, берегись, как бы не сорвалось у тебя с языка слово, из-за которого хворь снова нападет на тебя; а как нет, то, если проболтаешься, я своими собственными руками сделаю из тебя мученика».

Наконец, влекомый всё тем же стремлением к самоуничтожению, он порой пытался убедить братию, будто, задерживаясь надолго в церкви, он предается не молитве, а сну. И хотя ради большей убедительности он то и дело подавал признаки сонливости, все же, когда другие братья, тайно наблюдавшие за его ночными бдениями, раскрыли эту хитрость, он оставил свое притворство. Таковы были острые стрелы смирения, которые Серафим метал в гордыню, разя величайшего из всех врагов.

ГЛАВА III. ЕГО СОВЕРШЕННОЕ ТЕРПЕНИЕ; ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ КО ВСЕМ И МИЛОСЕРДИЕ К БЕДНЫМ; УСЕРДИЕ В МОЛИТВЕ; ПОЧИТАНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ; БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД СВЯТЫМ ТАИНСТВОМ ЕВХАРИСТИИ.

[18] Итак, закончив войну с гордыней, он начинает другую – против душевной гневливости; и тем паче трудную, чем свирепее это чудовище, которое, устремляясь в пропасть со слепым натиском, не признает никакой узды благоразумия или добродетели и так жестоко захватывает душу, что не позволяет ей пользоваться собственным разумом. Оттого некто весьма удачно уподобил гнев тирану, сказав: «Разве не видишь, что разум тех, кто охвачен гневом, блуждает? Ведь он убегает от гнева, словно от некоего жестокого тирана».

Дабы легче повергнуть это свирепое чудовище души, Серафим загодя ограждал свой ум, словно защитным валом, предварительно обдумывая и готовясь к тому, что могло бы причинить ему огорчение; чтобы гнев не напал на него внезапно и не пленил, застав его врасплох без этих преград.

И делал он это не напрасно, ибо таков совет святого Григория, который наставляет: «Рачительный ум, прежде чем начнет что-либо делать, пусть представит себе все оскорбления, какие только может претерпеть; чтобы, размышляя о поношениях Искупителя, подготовить себя к невзгодам. Несомненно, он тем мужественнее встретит их приход, чем лучше вооружил себя предусмотрительной осторожностью. Ибо кто застигнут бедою неожиданно, тот словно спящий, что найден врагом: неприятель убивает его немедленно, поскольку легко пронзить того, кто не сопротивляется. Тот же, кто рачительно продумывает надвигающиеся беды заранее, ожидает вражеских нападений, бодрствуя, словно в засаде, и мужественно устремляется к победе оттуда, где, как казалось, его могли невзначай застигнуть. Следовательно, ум должен тщательно обдумывать все невзгоды перед началом каждого действия, дабы, непрестанно о них помышляя и всегда защищаясь от них панцирем терпения, он предусмотрительно преодолевал всё, что бы ни случилось; а всё, что приключится, почитал бы за прибыль (ср. Флп. 1:21)» (*Lib. 5 Mor. cap. 31. — прим. ред.*).

[19] Вдобавок к этому он постоянно поддерживал два укрепления, дабы оградить ими твердыню души от врага. Первое он выстроил на примерах Христа Господа, о Котором апостол

Петр говорит: «Христос пострадал за нас, оставив вам пример, дабы вы шли по следам Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал Себя судящему Его несправедливо» (ср. 1 Пет. 2:21, 23). Ибо он не раз на опыте познавал, что благодаря этим примерам в душе его умножаются силы и крепнет мужество как для обуздания любых порывов гнева, так и для стойкого перенесения всяких невзгод, о чем говорит и Апостол: «Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью» (1 Пет. 4:1).

Второе же укрепление он воздвиг из терпения Самого Бога: хотя Тот ежедневно претерпевает от всех столько преступлений и оскорблений, Он сносит всё с величайшим терпением, словно бы нимало не уязвлен; Он оставляет без внимания нанесенные Ему обиды, повелевает солнцу в равной мере восходить над злыми и добрыми и проливает благовременные дожди на нечестивых. И даже когда они умножают свои злодеяния, Он отнюдь не перестает творить добро, так что Апостол мог справедливо сказать: «Что, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели?» (Рим. 9:22). Ясно уразумев из этого, сколь великим терпением надлежит ему вооружиться против необузданных порывов гнева и против всех стрел превратной судьбы, коими обычно уязвляется человеческая жизнь, он во всем подражал терпению Божию.

[20] Итак, отовсюду защитив душу этими валами и укреплениями, Серафим до такой степени угасил всякий порыв и волнение гнева, что, став кротче голубя (который, как говорят, лишен желчи), совершенно не умел ни на кого гневаться или выказывать гневное чувство. И он сохранял душу столь невозмутимой среди множества суровых и непредвиденных обстоятельств, которые часто с ним приключались, что у него, казалось, напрочь пропало всякое чувство гнева и нетерпения.

Поскольку же добродетель терпения была у Серафима столь выдающейся, что Бог, кажется, преимущественно ради того и избрал его, дабы явить в его лице полноту терпения, ее надлежит показать на нескольких примерах его деяний ради наставления и воспитания тех, кто ведет монашескую жизнь в обителях.

[21] Не без замысла Творца Серафим от самого рождения был обделен теми природными дарованиями, которые делают человека способным к надлежащему выполнению всякого дела. Потому он оказывался до того неспособен к большинству хозяйственных работ, возлагаемых на братьев-мирян, что либо принимался за дело медленнее черепахи, либо по скудоумию трудился так, что никогда ничего не успевал сделать в срок. Это давало ему ежедневно множество поводов к упражнению в добродетели. Ибо когда настоятели общин требовали от него расторопности в монастырских послушаниях и точности в исполнении своих обязанностей, они то и дело пытались взбодрить его наказаниями, язвили сарказмом, изводили епитимиями, насмехались на словах и делали из него посмешище, так что почти не было такого времени, чтобы он оставался свободен от издевок и притеснений со стороны братии.

Однако дух Серафима от этого нимало не смущался; напротив, он переносил всё с невозмутимым душевным спокойствием и улыбкой, являя на лице такую радость, что некоторые из начальников (до того, как им стала известна его святость), дурно истолковывали эту веселость. Полагая, будто он просто не желает исправлять свой природный недостаток, они круглый год осыпали его еще более суровыми упреками и карами.

И так продолжалось не год или два; подвергаясь подобным суровым испытаниям на протяжении тридцати и даже сорока лет, так что его впору было назвать мучеником терпения, он ни разу не утратил своего изначального душевного мира, всегда оставаясь всё таким же улыбчивым и невозмутимым. Более того, он принимал невзгоды с таким удовольствием, что, отбыв какую-либо тяжкую епитимию, наложенную настоятелем, словно бы ликовал в

величайшей радости и, простершись ниц, целовал ему ноги, часто восклицая: «Так, святушка мой, так и должно быть; да воздаст тебе Бог за столь великое благодеяние!». Сим он стяжал от Бога столь преславные дары, что они стали для него истоком и родником всяческой святости.

[22] Когда некий брат слышал, как этого мужа восхваляют за столь исключительное терпение, он, подстрекаемый духом сатаны, словно желая испытать его, взяв свинцовую пластину, нанес ему в непокрытую голову такой тяжелый удар, что чуть не оглушил его до беспамятства. Но Серафим, едва придя в себя, поприветствовал его улыбкой и произнес: «О святушка, святушка (это было его излюбленное обращение), да благословит тебя Бог». Однако Господь отнюдь не пожелал оставить злодеяние этого брата безнаказанным: впоследствии тот отпал от Ордена и окончил дни в кругу вероотступников.

Впрочем, те из братии, кто был свидетелем этого поступка и наблюдал терпение Серафима, были в высшей степени изумлены, и один из них весьма справедливо заметил, что терпение Серафима кажется ему подобным чуду. И к другому брату, который нанес ему сильную затрещину, святой проявил точно такое же терпение, открыто показав тем самым, насколько его душа чужда всякой вспыльчивости, не говоря уже о самом гневе.

[23] В первые годы после прихода в монастырь, когда он еще не взошел на совершенную ступень терпения, Серафим тяжело сокрушался душой, когда некий гвардиан, взявшийся испытывать его вплоть до полного очищения от шлама, донимал беспрестанными упреками и выговорами. К этому прибавлялось искушение сатаны, который убеждал его, что из-за неспособности к ремеслам отшельническая жизнь будет для него лучше и спокойнее.

Поэтому однажды, особенно сильно удрученный этими нападками гвардиана и искушениями сатаны, он направился в церковь и, простершись со слезами пред алтарем святой Евхаристии, так воззвал к Господу:

«Господи Иисусе, испытующий внутренности и сердца (ср. Откр. 2:23) и проникающий в помышления! От Тебя отнюдь не скрыто, сколь сильно желаю я угодить Твоему Величию и во всем явить Тебе верное служение. Вот, отовсюду я тесним скорбями: ибо повсюду моя природная неповоротливость сопутствует мне, и никому не могу угодить служением моим, вызывая гнев настоятеля. С одной стороны меня свирепо терзают упреки, с другой – теснят искушения сатаны; внутри недостает сил сносить это, в душе же умножаются огорчения. А поскольку против меня непрестанно восстают всё новые брани, они отнимают у души всякую надежду когда-либо обрести мир и спокойствие. Что же мне, несчастному, делать среди всего этого? Спаситель и Господи, если Ты немедленно не пошлешь мне помощь с небес, скорби раздавят меня!».

Тогда милосердный Господь, постановивший вылепить из него дивный сосуд терпения, обращается к нему с таким небесным гласом:

«Серафим, на что жалуешься ты среди невзгод, которые тебя постигают? Они приключаются с тобой не без Моего умысла. Если ты желаешь угождать и служить Мне, тебе надлежит идти путем самоотречения, терпения скорбей и, наконец, путем Креста. Такова стезя всех Моих слуг, таков царский путь; и если ты будешь неустанно по нему шествовать, Моя помощь никогда тебя не оставит».

От этих слов Спасителя душа Серафима настолько ободрилась, что от него тотчас отступили как душевная скорбь, так и сатанинское искушение. И с того времени в душе его так прибавилось божественной силы, что любые тяготы и невзгоды, которые впоследствии его постигали, он считал не столько легкими, сколько радостными; так что, стяжав дух

апостольский, он мог присвоить слова Павла: «Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей» (2 Кор. 7:4).

[24] Поэтому, когда сатана, получив на то власть от Бога, всячески мучил его и избивал, Серафим говорил ему: «Бей, сатана, бей и не щади, ведь ты наказываешь плоть мою – врага моего!» Прочие многочисленные примеры его терпения, явленные им при внезапных невзгодах, которые с ним часто приключались, я опускаю, хотя в них и просияло дивное его долготерпение. Однако не следует умалчивать о том, что у него было заведено правило: всякий раз, когда кто-либо наносил ему тяжелую обиду или оскорбление, он прочитывал за этого человека один из семи венчиков, которые сам составил на основании таинств Страстей Господних.

И вот однажды, когда он с великим усердием молился в церкви за одного гвардиана, который сверх всякой меры осыпал его бранью и изнурял епитимиями, он услышал глас Господа, говоривший ему: «Серафим, эта твоя молитва, в которой ты от всего сердца просишь Меня за причиняющих тебе зло, столь угодна Мне, что отныне ты получишь всё, о чем бы ни попросил Меня».

[25] Начав с тех пор шестую войну — против всех врагов любви, он на диво мужественно, пламенно и неустанно сражался за братолюбие. Ибо любви присуща столь дивная сила, что, умерщвляя пороки, она возвращает в душе все добродетели, о чем вслед за Апостолом учит Григорий такими словами (*Lib. 3 Mor. cap. 4.* – прим. ред): «Закон Божий зовется многосложным, ибо хотя любовь сама по себе едина, но, если она всецело овладеет сердцем, то многообразно воспламеняет его к бесчисленным делам, как объясняет Апостол (1 Кор. 13:4-8) в словах: "Любовь... и т.д."». К совершенному стяжанию и защите этой добродетели Серафим устремлял все свои помыслы и труды.

Посему он отличался столь великой щедростью к нищим, что если о Христе Господе Апостол сказал: «Ибо Он, будучи богат, обнищал ради вас» (2 Кор. 8:9), то Серафим, напротив, будучи нищим, делался богатым, дабы нуждающиеся обогащались от его щедрот. Ибо когда в монастыре города Асколи, где Серафим подвизался долгое время, исполняя послушание привратника, к нему стекалось столько нищих, что при нехватке хлеба для утоления их нужды он раздавал им овощи с монастырского огорода. Когда же настоятель однажды укорил его за то, что столь чрезмерная щедрость при раздаче овощей нищим оборачивается ущербом для братии, Серафим тотчас ответил: «Пусть не тревожит тебя, отче, нехватка овощей: их пребудет в изобилии, и община не потерпит никакого урона».

И тогда совершилось явное чудо: хотя на закате солнца огород стоял опустевшим, поскольку большая часть овощей была срезана, на утренней заре он вновь так зеленел обилием плодов, словно их никто никогда и не срезал.

Точно такое же чудо случилось, когда гвардиан другой обители отвел Серафиму отдельный участок земли, дабы тот сам засеивал его и раздавал зелень беднякам. Монастырский садовник со всем прилежанием трудился над остальной частью огорода: поллил сорняки, удобрял землю навозом, вкладывая в это все свои силы и внимание, однако не мог добиться хорошего урожая. В то же время огорожок Серафима без всякого ухода, полива, ухищрений и без всяких трудов с его стороны ежедневно полнился таким урожаем капусты и зелени, что чем больше плодов с него срезали, тем больше их вырастало вновь.

[26] Сей муж до того любил нищих, что, когда исполнял послушание сборщика подаяний и просил в городе хлеба, он проявлял к беднякам такую щедрость, что часто возвращался бы в обитель с пустыми руками, не удерживая его брат-спутник. В пору же недорода и голода он

почитал за благо скорее лишиться себя половины своей доли хлеба, нежели допустить, чтобы нищий остался без помощи. Ибо он не без основания приравнивал к грабежу отказ подать нуждающемуся бедняку, когда имеешь к тому возможность; тем паче что имел в свидетели Златоуста, который в 6-й беседе на Евангелие от Луки пишет так: «Не делиться своим достоянием с бедными — это грабеж. Быть может, то, что я говорю, кажется вам удивительным? Но не удивляйтесь, я приведу вам свидетельство из Божественного Писания. Так, Господь, обличая иудеев, говорит через пророка: "Земля дала плод свой, а вы не принесли десятин; но награбленное у нищего — в домах ваших" (ср. Ис. 3:14; Мал. 3:8-10). Поскольку, говорит Он, вы не принесли обычных даров, то похитили принадлежащее нищему. Сие же Он говорит, давая понять богатым, что они владеют имуществом бедных, даже если оно и досталось им по наследству от отцов».

Но и помимо Златоуста еще сильнее настаивает на этом Сам Спаситель в Евангелии от Матфея, говоря: «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня» (Мф. 25:42). Отсюда следует, что раз речь идет о нищих, в лице которых ныне алчет и жаждет Христос, то всякий, кто не питает голодных бедняков, имея к тому возможность, похищает у них то, что необходимо им для жизни. Потому и в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, сказано: «Сын мой! не отказывай нищему в пропитании» (Сир. 4:1).

Посему, когда Серафим делился своим хлебом с нищим так, чтобы тот мог насытиться вместе с ним, он достигал самой вершины совершенного нищелюбия.

[27] Но поскольку совершенная любовь простирается не только на нищих, но и на всех людей, соединенных с нами узами единого человеческого естества, Серафим изливал ее на каждого с такой полнотой, что казался нежнейшей матерью, готовой прижать к сердцу весь мир. Он плакал с плачущими и радовался с радующимися (ср. Рим. 12:15); он так носил бремена ближних (ср. Гал. 6:2), что для немощных был немощным, а со скорбящими — скорбящим, сделавшись в конце концов всем для всех, чтобы всех приобрести для Христа (ср. 1 Кор. 9:22; Вулг. 1 Кор. 9:19).

Уместно привести здесь один лишь пример сего. Когда в монастыре города Асколи братия благоговейно праздновала канун одного из святых нашего ордена (хотя устав и не обязывал к посту в этот день), гвардиан в то время изнемогал от сильного упадка сил и нуждался в ужине для подкрепления телесного естества, однако, опасаясь соблазнить немощных духом братьев, решил отказаться от трапезы. Заметив это, Серафим замыслил благочестивую уловку любви. Он пришел к гвардиану и, притворившись, будто сам крайне слаб и недостойн вкушать пищи в одиночку, сплел столь искусно составленные речи, что уговорил его пойти вместе в трапезную и разделить с ним ужин.

И там Серафим принялся так усердно прислуживать гвардиану за столом, что настоятель и впрямь принял столь необходимое ему подкрепление. Сам же Серафим, съев едва один-два кусочка хлеба, ушел, так и не поужинав. А поскольку он часто прибегал к подобным благочестивым уловкам любви и с другими братьями (притом из записей ведомо, что это было привычно и блаженному отцу нашему Франциску), то каждый может легко уразуметь, какую совершенную любовь питал он в своей душе.

[28] Но дабы единым сражением сокрушить все вражеские полчища, воинствующие против духа, он столь неусыпно бдел о совершенной чистоте ума и невинности жизни, что преследовал лютой ненавистью не только тяжкие грехи, отвращающие человека от Бога, но и самые малые прегрешения. Он с таким усердием трудился над их искоренением, что, хотя по немощи человеческой природы в нынешней жизни избежать их полностью невозможно, он никогда не давал в своей душе места грехам добровольным и осознанным.

По этой причине некая знатная дама, просившая его легким обманом выгородить проступок одного человека, так и не смогла уговорить его совершить сей (пусть и малый) грех ни под каким благим предлогом. Женщина спросила его: «Да разве ж это нечто большее, нежели прощительный грех?» На что Серафим ответил: «Неужто это кажется тебе малым? Видит Бог, если бы мне предложили в награду весь мир, лишь бы я совершил подобный проступок под видом чего-то доброго и правильного, то я, презрев и это, и еще большее богатство, бежал бы от него прочь! Разве считаешь ты легким прегрешением то, что, пусть и в малом, оскорбляет Бога, огорчает Духа Святого, гасит пыл любви, что, наконец, расшатывает душу и делает ее ленивой к совершению дел благочестия? Неужели пристало нам так низко ценить Божественное Величие, Творца и Владыку всего сущего, чтобы по праву не предпочесть Его славу и благую волю всем вещам и благам земной жизни? А как может проявиться слава Божия и благая воля Господня, направленная на преуспевание человека в святости, если душа по собственной воле устремляется к тому, что и славу Божию умаляет, и (будучи неугодно Его очам) карается Им суровыми муками даже в иной жизни? В самом деле, если бы наши сердца трогала хоть малая искра любви к нашему Небесному и Премилосердному Отцу, как могли бы мы по доброй воле склониться к тому, что хоть немного оскорбит Его? Разве не в том познается истинная природа законного и достойного сына, что он всячески остерегается делать то, что по его разумению не угодно отцу? Если же это так, то нам должно быть стыдно выказывать себя недостойными сынами Всевышнего, столь легковесно относясь к преблагой милости и повелениям нашего любящего Отца, будто и ни во что их не ставя».

Сразив этими словами нечестивое требование женщины, он сохранил свою душу в совершенной непорочности.

Наконец, сей муж обладал такой чистотой ума, что духовники, обычно принимавшие у него исповедь, по большей части не находили в нем грехов, требующих отпущения в таинстве. Оттого, расплачиваясь до последнего кодранта (ср. Мф. 5:26), дабы во всем воздать справедливости (ср. Вульг. Мф. 3:15), он всегда и везде хранил пред Богом душу в совершеннейшей чистоте.

[29] Наконец, он вступил в бой с адскими духами, извечными врагами рода человеческого. Он так неустанно разил их мечом молитвы, что, почти не зная от нее отдыха, вел с ними непрестанную и поистине нескончаемую брань. Долгое время у него был обычай выстаивать в церкви вплоть до третьего часа ночи; затем, уделив сну около трех часов, он поднимался к утрени и снова продолжал молиться до самого рассвета. В это время он часто, отрешаясь от внешних чувств, покоился в объятиях Божиих.

Однажды в Асколи, когда его послали вместе со священником поухаживать за одним умирающим, он провел всю ночь в молитве без сна, однако весь следующий день трудился на обычных монастырских послушаниях так бодро, словно насладился долгим сном. Подобным же образом и в часовне Святой Хижины в Лорето, пробыв однажды в молитве с раннего утра до самого вечера, он так и не прервал бы ее, если бы смотритель святыни не отозвал его в конце концов; ибо, молясь, он преисполнялся от Бога такой сладостью, что никакое пиршество не приносило ему большего наслаждения, чем созерцание Божественного.

Вследствие этого, находился ли он в обители или за ее пределами, дух его пребывал в таком глубоком единении с Богом, что всякая вещь, на которую падал его взор, давала ему повод к молитве. И поскольку он не оставлял своего молитвенного правила, даже когда гостил у мирян во время путешествий, однажды случилось так, что, будучи принят одним благочестивым мужем, он уединился для молитвы в своей комнате, и в это время некая девочка увидела белоснежную голубку, порхающую вокруг его головы, – видимый знак того, как чиста была душа его и преисполнена дарами Духа Святого.

[30] Однажды в городе Асколи, пока священник брат Платид улаживал дела со своими родственниками, Серафим, назначенный ему в спутники, уединившись для молитвы в комнате, был восхищен духом. В это время некая девочка, которая долго и безуспешно звала его и тормошила руками, решив, что он упал в обморок, в тревоге поспешила к матери и рассказала ей о случившемся. Та, отправившись к Серафиму вместе с его братом-спутником, увидела его отрешенным от внешних чувств не иначе как по причине обморока Божественной любви. Ибо спустя час, когда он пришел в себя, все увидели, что лицо его пылает, подобно лику небесного серафима.

В другой раз в асколанском монастыре человека Божия безуспешно искали повсюду, а в конце концов нашли в саду: он стоял с устремленными к небу глазами, пребывая в экстазе божественном.

[31] Итак, об усердной его молитве сказано довольно.

Что же касается силы и мощи этой молитвы пред Богом, то вряд ли возможно выразить словами, сколько проистекло из нее несомненных исцелений от недугов, чудес, пророчеств о будущем и небесных видений (о которых будет рассказано чуть позже).

Особенно же просияла исключительная доблесть святого в борьбе с адскими духами, с которыми он так отважно вступал в бой, что даже попрекал их трусостью. И эта брань Серафима с бесами не была ни краткой, ни легкой. Начавшись еще до его ухода в монастырь, в те годы, когда он под началом своего брата Силенцио осваивал ремесло каменщика (именно тогда бес стал мучить его и избивать), она завершилась лишь много лет спустя после принятия им иночества.

Нелегко описать, сколько нападков, угроз и побоев от сатаны претерпел он, особенно во время молитвы. Так, в Асколи бесы часто хватали молящегося святого и уносили в садовую часовенку святого отца нашего Франциска. Там они осыпали его жесточайшими ударами, а он лишь раззадоривал их словами, приговаривая: «Бейте, демоны, отчего же вы так вяло делаете свое дело? Бейте, ведь вы трудитесь за меня, бичуя моего внутреннего врага!»

[32] В другой раз, когда Серафим молился в церкви на коленях, бес схватил его за ноги, тщетно пытаясь отвлечь от молитвы. Но святой, укрепленный силою Божией, попрекнул беса в лености такими словами: «Тащи, ленивец, отчего же ты так вяло трудишься? Напряги силы, чтобы вытянуть меня отсюда!».

Однажды в Асколи во время молитвы Серафим удостоился небесного видения Преподобной Девы, представшей ему в воздухе. Он устремился к Ней с таким духовным жаром, что всем телом поднялся в воздух. Но завистливый сатана, обезумев от ярости, вознамерился прервать это духовное наслаждение: схватив святого за ноги, он пытался силой притянуть его к себе; когда же ему это нисколько не удалось, он стал мучиться от собственной свирепости.

В другой раз враг силился ударить оземь Серафима, вознесенного в воздух. И хотя сатана осаждал его этими и множеством иных козней, святой с таким терпением отражал все бесовские натиски, что своей молитвой наносил нечистым духам куда более тяжкие удары.

Посему он сделался столь страшен для адских духов, что те из них, кто овладевал телами людей, не в силах вынести его присутствия, бежали от него как можно дальше и покидали одержимые тела; впрочем, об этом мы расскажем более подробно там, где пойдет речь о его чудесах.

[33] И это неудивительно. Ибо главной целью, к которой устремлялась молитва Серафима, было размышление о Страстях Господних, сокрушающее сатану. При размышлении этом он постоянно проливал благочестивые слезы, непрестанно лелея его в груди своей; сей «мировый пучок» (ср. *Песн. 1:12*), собранный из всех горестей Господа, он так крепко прижал к сердцу, что мог бы сказать вместе со святым Бернардом (из его 43-й беседы на Песнь песней): «Этот спасительный пучок сбережен для меня, и никто не отнимет его; он будет пребывать у меня на груди. Размышление о нем я назвал мудростью; в нем я утвердил для себя совершенство праведности, в нем — полнота знания, в нем — богатства спасения, в нем — преизобилие заслуг. В нем для меня порой — спасительно горькое питье, а порой — сладостное миро утешения».

Посему, разделив Страсти Господни на четыреста частей, или пунктов, он составил из них семь венчиков, назначив на каждый по шестьдесят три таинства, и постановил себе прочитывать их, распределив по дням недели. Он имел обыкновение читать эти венчики с таким сердечным сокрушением и пылом божественной любви, что при этом всегда проливал обильные слезы.

Однажды ночью, молясь в церкви перед утреней и полагая, что там никого нет, Серафим произносил слова гимна «*Stabat Mater dolorosa*» (Мать Скорбящая стояла): «*Tui Nati vulnerati, tam dignati pro me pati, pœnas mecum divide* (Муки Чада Твоего изъязвленного, благоволившего тяжело за меня пострадать, раздели со мною)». При этом он разразился столь безудержными рыданиями, что некий священник, прятавшийся на хорах, чтобы понаблюдать за ним, видя, что святой всё плачет и слезам его нет конца, тихо покинул церковь, оставив слугу Божия, подобно голубю, оплакивать раны Господни.

В те дни, когда Церковь благоговейно вспоминает смерть и погребение Господа, Серафим, войдя накануне Страстной пятницы вместе с другими братьями в часовню, где в то время хранили Тело Христово, затем уже не покидал ее, пока на следующий день по завершении священного воспоминания Тело Христово не унесли оттуда.

Именно таковым крепчайшим оружием советует вооружиться Апостол, говоря: «Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью» (*1 Пет. 4:1*), и Серафим сокрушал все натиски сатаны и угашал его раскаленные стрелы (ср. *Еф. 6:16*), а потому отнюдь не удивительно, что он одерживал над врагом столь преславные победы.

[34] К этому он зачастую добавлял и еще одно оружие, весьма сильно теснившее врага: а именно пламенное почитание Пресвятой Богородицы. Он проникся им до такой степени, что вознес Марию превыше всех, избрав Ее своей пред Богом заступницей, покровительницей и госпожой — первой после Самого Сына. Ее он любил, Ее благоговейно чтил, Ее носил в самом сердце, и к Ней сходились все его устремления. Если он просил у Бога какой-либо благодати, какой-либо добродетели, божественного вразумления или иных даров, он вверял просьбу о том заступничеству Марии — ибо Господь «пожелал, чтобы мы имели всё через Марию» (ср. св. *Бернард Клервоский, In Nativitate B. V. Mariae*). И напротив, что бы он ни собирался Богу пожертвовать, он предавал сие в руки Марии, дабы через Нее дар стал угодным Господу.

Ведь он сознавал, что от Нее на нас изливается такая полнота благодатей, что, хотя никогда и не читал святого Бернарда, однако, стяжав его дух, часто восклицал: «Отними у неба это солнечное светило, озаряющее мир, — и где будет день? Отними Марию, сию Звезду моря; отними сии сияющие врата света; отними восходящую зарю; отними избранную, подобно солнцу (ср. *Песн. 6:10*), от Которой изливаются на нас лучи Божественного света, — и что останется смертным, кроме всепоглощающего мрака и кромешной тьмы? Отними, наконец, Матерь, — и где будет радость сыновей?»

Посему он всеми, какие знал, словами побуждал каждого к почитанию и прославлению сей Преподобной Девы. Так, желая однажды ободрить своего знакомого, удрученного тяжелой бедой, и призвать его молить о помощи Блаженную Деву, Серафим открыл ему, что Она явилась ему самому, когда он изнемогал от искушений. Один лишь Ее вид настолько его утешил в душе, что от него тотчас отступила всякая мучительная тяжесть искушения. Рассказывая об этом, он так воспарил духом от одного лишь сладостного воспоминания о Ней, что, словно опьяненный, с великим жаром воскликнул: «О, какая радость сердечная! О, какая улада!»

[35] Ко всему этому присовокуплялось его величайшее благоговение перед Таинством Евхаристии, в силу коего, почти ежедневно подкрепляясь сим Божественным хлебом, он вкушал в созерцании этого Таинства столь великую духовную уладу, что проводил в ней многие часы и часто бывал восхищаем в исступление духа.

Посему он воздавал Господним священникам такое исключительное почитание, что, повстречав кого-нибудь из них в городе, тотчас оставлял всякое дело, подходил к нему и благоговейно целовал ему руки. Когда же в Асколи некий священник, пораженный проказой, совершал Святые Таинства, слуга Божий, с глубокой болью глядя на это, своею молитвой исцелил его от проказы, однако же сокрыл сие чудо, сделав вид, будто добился этого травяным натиранием.

ГЛАВА IV. ВИДЕНИЯ СВЯТОГО; ДАР РАЗЛИЧЕНИЯ ДУХОВ И ПРОРОЧЕСТВА, КОИМ ОН БЫЛ НАДЕЛЕН.

[36] Итак, сказав вкратце о добродетелях Серафима, коими он стяжал себе пред Богом благодать и святость жизни, я перехожу к небесным дарам, ниспосланным ему свыше. Через них Всеблагий и Величайший Бог изволил еще при жизни святого засвидетельствовать пред людьми преславное достоинство жития его. И поскольку дары сии заключаются частью в небесных видениях и познании сокровеннейших тайн, а частью – в безошибочном предсказании будущих событий и чудотворении, о них надлежит рассказать по отдельности, в точности так, как они засвидетельствованы в материалах канонизационного процесса.

Итак, во-первых, что касается видений. Среди прочих добродетелей сего святого мужа одна была совершенно исключительной, а именно: он с величайшим тщанием скрывал как свои подвиги, так и сами дары Божии, по которым люди могли бы догадаться о его святости (что служило превосходным доказательством его глубочайшего смирения). Оттого и вышло, что нам известно лишь о немногих его видениях. О них он обмолвился (и то весьма скупой и отрывочно) скорее ради духовной пользы ближних, побуждаемый Божественной любовью, нежели по собственной воле; множество же иных его видений так и остались сокрытыми от нас.

Итак, мы опустим сказанное выше о родителях Лодовики, которых он, по собственному утверждению, видел в сонме святых, и об исполненном величайшей радости видении Преподобной Девы, что упоминалось выше. Однажды, желая утешить в скорби благочестивого мужа, своего знакомого, Серафим открыл ему, что порою бывал вознесен в созерцание наград небесной славы, где, по его словам, те, кто в сей жизни терпеливо переносил суровые лишения ради Христа, удостоиваются величайшей славы.

Он также узрел царствующими со Христом многих людей, уже покинувших эту жизнь, среди которых упомянул брата Доната из Монтегранаро, проповедника нашего ордена, и брата Иакова из Асколи, монаха-мирянина – мужей, украшенных всяческой добродетелью.

А некой жительнице Асколи по имени Деянира Бичиари, которая просила отслужить святую мессу за своего умершего сына, он ответил: «Почивший уже не нуждается в заупокойных мессах, ибо, освободившись от мук, он приобщился к радостям небесным». На это женщина сказала: «О, если бы я могла знать это наверняка!» Серафим же ответил ей: «Будь в этом совершенно уверена, ибо я вот этими самыми глазами видел его сидящим среди ангелов».

[37] Марцио Костантини из Асколи, муж Помпони, был убит врагами и скончался без напутственных таинств. Однако Серафим так твердо уверял жену, что супруг ее удостоился небесной славы, что даже попрекнул ее за маловерие такими словами: «Отчего же, о Помпония, ты с таким трудом веришь тому, что совершенно непреложно? О, если бы я мог сейчас же свободно отправиться туда, где он уже безмятежно почивает в славе своей!»

То же самое он возвестил и Лодовике Бичелли: о том, что мать ее упокоилась в небесной славе. А мать покойного Алессандро Сантуччи, непрестанно оплакивавшую кончину сына, он совершенно обнадежил вестью о его посмертной славе, в точности назвав день, когда душа ее сына, избавившись от мук чистилища, вознеслась на небеса.

[38] Кроме того, он поведал тому же своему знакомому мужу, которого я упоминал выше, что однажды узрел адские муки, среди коих, по его словам, жестоко терзаются многие, кого он знал еще при их жизни. А некой жительнице Асколи (чье имя намеренно утаим), просившей его молитв об облегчении участи своей умершей матери, он ответил так: «Не ищи для матери молитвенной помощи, ибо она, осужденная судом Божиим в ад, не может получить отраду от молитв живых. Ты же приложи все усилия, чтобы направить свою жизнь по лучшему пути, дабы соделать себя достойной небес».

[39] Однако не менее великим даром Божиим было и то, что он часто прозревал сокровенные человеческие помыслы и намерения. И если надлежит представить сие на примерах, то первым из них послужит случай с неким юношей из Асколи. Когда Бог призывал его в лоно иночества, бес, желая отвратить юношу от этого святого намерения, подстрекнул одного злонамеренного человека нанести ему тяжкое оскорбление, чем разжег в его душе жажду мести.

Юноша этот имел обыкновение часто беседовать с Серафимом, и когда однажды после того он пришел к нему, человек Божий отвел его в сад и велел собирать зелень для салата. И в то самое время, когда юноша, обуреваемый бурей помыслов, втайне замыслил в душе убийство обидчика, человек Божий внезапно воскликнул: «Что это, сын мой, ты вынашиваешь в душе? Замысел сей – отнюдь не человеческий, но совершенно бесовский. Тотчас же исторгни из себя эти сатанинские помыслы, дабы не пустили они в тебе корни, и с еще большим усердием приступи к исполнению тех прежних намерений, кои Бог тебе в душу вдохнул».

Юноша был настолько потрясен этими словами, что, нимало не сомневаясь, что Сам Бог открыл блаженному мужу его сокровенные мысли, немедленно переменил свои намерения и последовал небесному призыванию Божию.

[40] Кроме того, некий пехотный капитан из городка Монте-Санто, запятнавший свою прошлую жизнь множеством преступлений, совершенно ослеп, но, услышав о Серафимовых чудесах, слава о которых разносилась повсюду, велел доставить себя к нему в надежде по его молитвам получить исцеление от слепоты.

Слуга Божий дотоле никогда не знал этого мужа и ни от кого не слышал, как тот жил прежде, но, едва бросив на него взгляд, тут же начал сурово и резко обличать его в преступлениях прошлой жизни, в которых капитан так и не раскаялся, и воскликнул: «Отчего же ты, несчастный, просишь у Бога прозрения для глаз, когда своими злодеяниями ты напустил

столько тьмы на тот Божественный Свет, что так долго призывал тебя на пути лучшей жизни? Страдая от куда более тяжелой слепоты душевной, ты печешься лишь об исцелении слепоты телесной? Одумайся, несчастный, и сперваними бельма грехов, омрачающие внутреннее око твоего разума (ср. Мф. 6:22-23), дабы ты смог насладиться внешним светом очей (ср. Мф. 7:5)!»

Все присутствующие содрогнулись от этого сурового обличения, но еще больше прониклись благоговением перед тем Божественным светом в человеке Божием, благодаря которому он во всех подробностях узнал жизнь этого человека, ни от кого о ней не слышав.

[41] Третьим примером пусть послужит случай с бр. Иеронимом из Асколи, священником нашего ордена. Еще ведя мирскую жизнь, он был удручаем тяжкими искушениями против веры. Глубоко почитая святость Серафима, он решил пойти к нему, твердо положив в душе: если человек Божий примет его ласково и выкажет знаки благоволения, значит, искушение разрешится благополучно; если же встретит его резко и сурово – с надеждою на спасение покончено.

С этим намерением он пришел к Серафиму, который в то время исполнял послушание привратника в асколанском монастыре. Человек Божий заключил пришедшего в столь теплые объятия и выказал ему столько знаков благорасположения, словно встретил долгожданного друга. И, в точности раскрыв Иерониму всю череду искушений, от которых тот доселе мучился, Серафим наконец утешил его такими словами: «Не допускай, Иероним, чтобы в тебе зарождались сомнения в вере; это – искушение от сатаны. Ибо вера наша подтверждена славой такого множества святых и свидетельствами стольких чудес, что в ней не может таиться никакой лжи».

От этих простых слов в душе Иеронима тотчас водворилось такое спокойствие, что, избавившись от всех искушений, он устремился в лоно ордена капуцинов.

[42] Человек Божий обращался со священниками со столь великим почтением, что, едва встретив кого-нибудь из них на дороге, непременно целовал ему руки. И вот, он имел обыкновение часто оказывать эту почесть одному знакомому священнику; однако случилось так, что тот впал в постыдный грех, и в таком состоянии на него наткнулся Серафим. Святой не только не приветствовал его с обычным почтением, но даже не взглянул в его сторону, пройдя мимо.

Священник, крайне изумившись такому поступку, заподозрил, что это произошло из-за внутренней скверны его души, которую он еще не смыл покаянием. Желая удостовериться в этом, он тотчас же очистил свою душу раскаянием и исповедью. И когда он снова встретился со святым, тот воздал ему обычное, как и прежде, почтение.

В то же самое время две жительницы Асколи, придя к монастырю, просили у него благословения. Одну из них он охотно осенил знамением, другую же, которая была повинна в тайном грехе прелюбодеяния, отказался перекрестить, сказав: «Не тебе, не тебе подобает крестное знамение». И, не сказав больше ни слова, этим кратким укором обличил женщину в ее преступлении.

К этому можно было бы добавить и множество других примеров, но, поскольку они менее значительны, я их опускаю; те же, что касаются чудес, я откладываю, чтобы рассказать о них ниже вместе с остальными.

[43] Перехожу к случаям предсказаний будущих событий. Проистекая из дара пророческой зрячести, который он преизобильно получил от Бога, они тем яснее свидетельствовали о

величайшей святости жизни человека Божия, чем обильнее Господь просвещал его ими. И поскольку пророчеств этих так много, что своим множеством они могли бы обременить умы читателей, я счел за благо подробно изложить лишь самые важные, остальные же скорее упомянуть вкратце, нежели описывать во всех подробностях.

Из материалов процесса явствует, что Слуга Божий предрекал грядущее выздоровление многим больным, которые либо уже бились в предсмертных муках, либо, по суждению врачей, были обречены на смерть. Первой среди них назовем некую Турию, жительницу Асколи. Из-за крайне тяжелых родов надежда на ее выздоровление была совершенно утрачена, пока юная женщина Божий осенил ее крестным знамением и тут же твердо заверил, что не пройдет и получаса, как она благополучно исцелится, разрешившись мертвым младенцем. Когда же это исцеление, в точности как и было предсказано, совершилось, оно повергло всех – и в особенности самих врачей, уже ожидавших кончины женщины, – в величайшее изумление и трепет.

[44] Никколо Кьявени (Claveneos) из Асколи, уже принявший таинство елеосвящения, близился к закату своей жизни, когда подошедший к нему Серафим сказал: «Никколо, не страшись кончины, ибо тебе предстоит еще долгий путь: Бог желает, дабы прежде смерти ты сделался капуцином».

Сказанное подтвердилось на деле: обретя здоровье, Никколо спустя шесть лет ушел в орден капуцинов. И когда он пожелал быть причисленным к разряду братьев-мирян, Серафим предрек ему, что он примет иерейское рукоположение. В конце концов, став и капуцином, и священником, он еще долго подвизался в рядах ордена под именем Иеронима.

[45] Знатный житель Асколи по имени Маркантонио находился при смерти, и его уже готовили к похоронам. Но тут пришел человек Божий и сказал: «Отчего же вы готовитесь к похоронам, словно он уже мертв? Маркантонио поправится и проживет еще много лет». И действительно, после этого тот выздоровел и, прожив долгую жизнь, подтвердил истинность пророческого слова человека Божия.

В другой раз, когда Маттео Валломео из Асколи вместе со своим братом Джачинто и несколькими родственниками отправлялся на войну под Канижу под началом Джанфранческо Альдобрандини, командующего папскими войсками, их мать Перуджина, сильно страшась грозящих им опасностей, спросила однажды у человека Божия, чего ей следует ожидать. Тот ответил ей: «Все они невредимыми вернутся на родину, и лишь один Джачинто, доблестно сражаясь за веру Христову, падет мучеником». И впоследствии, когда город Асколи встречал остальных вернувшихся с войны, небеса приняли лишь одного Джачинто, пролившего благородную кровь.

[46] Альзация, супруга знатного синьора Аннибале, жестоко терзалась душой из-за смертельной болезни своей матери Алессандрины. Посему, придя к Серафиму, она горячо просила у него молитв за нее. Святой, помолившись немного о болящей, наконец утешил женщину такими словами: «Успокойся, Альзация, смертный час твоей матери еще не настал; напротив, она поправится и родит мальчика». Исход этого дела показался всем тем более удивительным, что никто не подозревал о ее беременности, и даже сама Алессандрина еще не чувствовала во чреве младенца.

[47] Лукреция Сантуччи дошла в своей болезни до такого тяжелого состояния, что лекари отводили ей срок жизни лишь до следующей ночи. В это время к ней пришел некий священник нашего ордена, дабы напутствовать ее душу пред Богом, а Серафим был назначен ему в спутники. И пока священник исполнял свое благочестивое служение, человек Божий,

поднявшись после молитвы, дал болящей облобызать медное распятие Христа, которое всегда носил с собой, и сказал: «Благодари Бога, Лукреция, ибо болезнь сия тебе не к смерти, но к жизни (*ср. Ин. 11:4*)».

В то же самое время в соседней комнате лежал в постели муж Лукреции с легким недугом. И Серафим, обратив туда взор, добавил: «Не так будет с тем, кто болеет в той комнате, ибо он вскоре покинет сей свет».

Короче говоря, жена, вырванная из пасти смерти, обрела полное здравие, в то время как муж, едва переступив порог болезни, был похищен смертью.

[48] В том же году сестра каноника Алачины из Асколи тайком объелась персиками и слегла от этого с тяжелым недугом и боялась, что это окончательно сведет ее в могилу. Призвав к себе Серафима, она умоляла его испросить для нее милости Божией. Святой же, показав ей венчик из персиковых косточек, который он всегда носил с собой, спросил, что это за косточки, давая тем самым понять, что истинная причина ее болезни, которую она скрывала, ему хорошо известна. И тотчас добавил: «Не страшись, ибо от этого недуга ты поправишься». Но женщина, памятуя о приговоре врачей, продолжала твердить, что умрет, и не могла поверить его словам. Тогда человек Божий сказал: «Давай же заключим пари на то, кто из нас первым покинет сей свет. Если первым уйду я, ты прочтешь за меня столько-то венчиков; если же ты – я воздам такое же количество молитв за твою душу». Когда же она согласилась на этот уговор, Серафим молвил: «Нет, не заключай со мною этого пари, ибо моя ставка верная, а твой жребий совершенно проигрышный. Пусть для тебя будет довольно одного: вскорости ты поправишься».

Впоследствии само время доказало истинность обоих пророчеств человека Божия: ибо в том же самом году Серафим славно завершил свой жизненный путь, женщина же после той болезни прожила еще целых шесть лет.

[49] Подобным же образом он предрек исцеление и полное выздоровление множеству иных людей: Финисбе Орланди, страдавшей в родах от смертельного недуга (пообещав, что она выживет и благополучно разрешится от бремени); лекарю Джироламо Анчиллотти, находившемуся при смерти; Констанции Розате, над которой уже читали отходную; Бернардо Онофрио, охваченному жестокой лихорадкой; Памфилии из Асколи, в страхе ожидавшей кончины своего тяжелобольного мужа; Смеральде Риччи, которую лекари уже приговорили к смерти; Оттавио Бандини (брату кардинала Святой Римской Церкви), которого уже оплакивали как мертвого; Джервазии из Фермо, страдавшей от тяжелейшего недуга; Марте Паолуччи, изможденной долгой болезнью; князю Казерты, угнетенному тяжелой хворью; Делоэрии Чинци, уже лишившейся внешних чувств; Бибиане, супруге Луки Томазини, надежда которой на исцеление была совершенно утрачена; и, наконец, Чинции из Монтефьоре, жене Доменико Барлоччи, чахнувшей от колдовской порчи.

[50] Точно так же, просветленный духом пророческим, он заранее предупреждал многих и о приближающейся кончине; и хорошо было бы здесь привести несколько примеров подобных случаев.

Когда в городе Асколи человек Божий повстречал некоего мальчика по имени Томмазо, сына Диаманте Моккони, он, возложив руку ему на голову, осыпал его множеством благословений. Однажды, застав его дома вместе с матерью, он приласкал мальчика и обратился к ней: «О блаженное дитя, не для мира, но для небес рожденное! О счастливая душа, которой вскоре предстоит занять блаженную обитель в Царстве Небесном! Не строй на его счет, Диаманте, никаких житейских планов; ибо он – не твой, а Божий отпрыск, и в самом скором времени ему

надлежит быть пересаженным в небесное отечество». После этих слов мальчик прожил лишь до четырехлетнего возраста и, сохранив чистоту, отошел в небесные обители.

Другая женщина, Винченца, жена Джулио Котикони, родила дочерей-двойняшек. Она часто вверяла их молитвам Серафима, однако не смогла добиться от него ничего, кроме одних и тех же слов: «Напрасно ты просишь, Винченца, ибо эти голубки-близнецы стремятся в свое небесное гнездо».

[51] Некая знатная женщина (имя ее я намеренно умалчиваю), чей отец страдал от долгого недуга, часто и безуспешно пыталась смягчить его своим смирением и всяческими услугами, при том что из-за какого-то ее давнего непослушания он воспылал на нее таким тяжким гневом, что не мог даже стерпеть, когда при нем упоминали ее имя. Обратившись к человеку Божию, она открыла ему скорбь своей души и рассказала об отцовом жестокосердии.

На это святой ответил: «Успокойся, свой долг перед отцом ты исполнила. Но да не будет сокрыто от тебя, что сей несчастный дом отца твоего захвачен великим множеством бесов. Жить ему осталось недолго; но, что еще более прискорбно, он променяет эту жизнь на вечную смерть».

И слова эти отнюдь не были пустыми. Ибо спустя год, изможденный болезнью и приблизившийся к последней черте своей жизни, отец наотрез отказался очистить душу святыми Церковными Таинствами. Тем же, кто уговаривал его совершить священную исповедь в своих грехах, он отвечал, что связан неким преступлением, которое никогда и никому не сможет открыть. Так, не получив отпущения грехов и не приняв Таинств, он покинул сию жизнь, обреченный на худшие адские муки.

[52] В том же году Марко Стабиле из Асколи, юноша лет двадцати, пришел к Серафиму и попросил у него совета: стоит ли ему жениться или же избрать жизнь иноческую? Человек Божий, улыбнувшись и положив руку ему на плечо, ответил: «Ты и узами брака себя не свяжешь, и образа иноческого не достигнешь. Нам, Марко, следует искать лучшей доли, что ожидает нас в небесных обителях». И это сбылось в точности: в том же самом году человек Божий покинул сей мир; Марко же, прожив после этого еще два года, ни жены не нашел, ни иноческого образа не принял, а покинул мир людской.

Увидев в городе Рипатрансоне, как семья Градассо Бономини чрезвычайно радуется рождению младенца мужеского пола, Серафим обратился к своему спутнику, молвив: «О, сколь коротка, мгновенна и ничтожна, словно точка, радость мира сего! Видишь, сколь велико ликование в этом доме из-за новорожденного мальчика? Но оно скоро рассеется; ибо дитя сие, подобно пару, являющемуся на малое время (*ср. Иак. 4:14*), вскорости оставит их, и тогда радость обернется плачем». События не замедлили подтвердить эти слова: мальчик прожил на свете едва ли три или четыре дня.

[53] Астольфо Джульери из Асколи страдал от костоеды в ноге. С величайшим терпением сносил он этот недуг на протяжении пяти лет, но однажды, жестоко мучимый болью, взмолился к Серафиму, прося его заступничества пред Богом. Человек Божий ответил ему: «Потерпи еще немного, Астольфо, и тогда ты с радостью упокоишься там, где ни костоеда, ни иная хворь, ни боль никакая уже никогда не нарушат твоего покоя (*ср. Откр. 21:4*); тебе отпущен весьма краткий срок для терпения. Ибо день св. о. нашего Франциска, до которого осталось едва ли два месяца, положит конец твоим недугам и болям, а вместе с тем и самой жизни».

С радостью приняв эти слова, Астольфо стал готовиться к назначенному дню. И, удостоившись перед самой кончиной явления св. о. Франциска, вместе с ним преселился в небесные обители.

[54] К этому можно присовокупить и множество других людей, коим человек Божий в пророческом духе предсказал грядущую кончину. Среди них: Джироламо, сын Баттисты из Падуи; Просперо Бичари, лекарь из Асколи; Лукреция Карлини, которой он предрек и самый час смерти, и все симптомы болезни; сын знатной асколанки Альсении, изгнанник вдали от родины; дочь на выданье Лауры Фастори из Асколи; младенец мужского пола Фабрицио Коментати из Монтегранаро; Франческо Мелиори из Асколи; Эмилио Арканджели из Асколи; Полиссена Роччи из Асколи; Маркизиана Валенда из Асколи, о которой он предвозвестил, что она умрет в самую ночь Рождества Христова; Франческо Мария из Лоро; Джузеппе, сын Костанцы Парадизи; Джованни Андреа, сын плотника Мекоццио, страдавший лишь от легкой хвори; пехотный капитан Винченцо Розати, который нимало не был болен; Бьяджо Пелагалли из Монтефьоре; знатный асколанец Энрико Массеи; сын Анджелы Гуалаты из Рипатрансоне; Серена Пичилла из Асколи; Джулия, супруга Джованни Баттисты Ауриколы из Асколи, имевшая отменное здоровье; пятилетняя дочь Беаты Сеглетты; и, наконец, Оттавио Крантилло из Асколи, которому он предрек, что тот покинет сей мир на следующий день в тот самый миг, когда лучи солнца коснутся постели больного. И все эти предсказания в точности подтвердились на деле.

[55] Также и разным женщинам, одни из которых еще не успели распознать свою беременность, а другие даже не помышляли о потомстве, он в точности предсказывал грядущее рождение детей.

Беременным Финисбе Орланди, Диаманте Моккони, Балтазине из Асколи, Софонисте, жене Маркантонио Скуариллы, Винченце Петрочине, племяннице кардинала из Монтельпаро, Кларе Джубари из Анконской марки, и Пьетре Франческе, жене Винченцо Посенти, он предрек, что все они носят младенцев мужского пола, которых и произведут на свет в свой срок.

Гаспарине же, супруге знатного синьора Томмазо, которая еще не была беременна, он предсказал рождение мальчика; а невестке Оттавио Четарелли, которой прежде во время беременности верно предрек сына, впоследствии предвозвестил рождение еще множества детей.

Уже упомянутой выше Софонисте он предсказал, что сначала она родит дочь, которая проживет на свете лишь до семи лет; затем еще одну, которой предстоит посвятить себя Богу, приняв иноческое покрывало; и, наконец, мальчика, который примет иерейское рукоположение.

В другой раз Пьетре Франчески и Марии Костанце Петтинелли он предсказал рождение девочек, а Артемии Турриани, уже потерявшей всякую надежду на потомство, часто повторял, что она родит четырех сыновей.

И, наконец, Джироламе, супруге Джузеппе Массеи, которая сетовала Серафиму на то, что никак не может зачать детей, человек Божий ответил: «У тебя будет столько детей, что, пожалуй, они еще успеют тебе надоесть».

[56] Помимо этих случаев, сохранилось множество известий о его предсказаниях касательно самых разных вещей; некоторые из них уместно здесь упомянуть.

Однажды, совершая долгое путешествие, человек Божий остановился на отдых в монастыре городка Монте-Ольмо. Среди прочих людей, во множестве стекавшихся к нему в то время,

оказались пятеро местных юношей. И пока святой благочестивыми речами наставлял их в вере, один из них спросил, суждено ли кому-нибудь из них оставить мир и уйти в капуцины.

В ответ Серафим, тотчас указав на одного из них, произнес: «Вот он будет нашим и станет доблестно подвизаться в серафическом воинстве св. о. н. Франциска».

Эти слова прозвучали полной неожиданностью для юноши, который еще и не помышлял принять капуцинский образ жизни. Однако на то был промысел Божий: вскоре после этого, побуждаемый божественным призванием, юноша укрылся в лоне ордена. Приняв имя Иуст из Монте-Ольмо, он впоследствии озарил всю Пиценскую провинцию и весь орден светом своих добродетелей и великим благоразумием.

[57] В том же пророческом духе он предсказал грядущее вступление в орден и бр. Людовику из Монтевидоне. Тот, еще ведя мирскую жизнь, пришел к святому мужу в монастырь Санта-Виттория, чтобы попросить его помолиться Богу о разрешении неких семейных горестей своей сестры.

Касательно сестры, которая некогда вышла замуж за Баттистеллу, знаменитого разбойника, Серафим дал понять, что она вскоре избавится от своих душевных тягот. Так оно и вышло: после убийства Марко Шьярры Баттистелла вернулся на родину. Затем, обратившись к Людовику, святой добавил:

«А ты что же? Неужто завяжешь прочную и долгую дружбу с миром, который враждебен Богу? Да не будет так! Поистине, тебя ждет лучшая доля: стан капуцинов ожидает тебя как доблестного бойца. Ты будешь наш; и когда мир продержит тебя в своей утробе ровно девять месяцев, он в конце концов словно бы родит тебя у стоп ордена. И, будучи принятым в его лоно, ты под именем Людовика будешь вершить священное служение Богу».

И ни одно из этих слов не оказалось пустым. Ибо юноша, хотя до той поры и не помышлял об иночестве, услышав это, словно пронзенный небесным жалом, так воспламенился любовью к монашеской жизни, что никакая сила мирских привязанностей или уговоры родственников уже не могли удержать его, и он со всем рвением стал добиваться вступления в орден. Однако из-за того, что провинциальный викарий отбыл далеко на проповеди, юноша был вынужден сдерживать пламя своего духовного порыва аж девять месяцев. По прошествии же этого срока он был принят в лоно ордена, наречен Людовиком и, приняв иерейское рукоположение, посвятил себя службе Божией.

[58] Пехотный капитан Франческо Ладзарини и Антонио Габриэли, встретившись с человеком Божиим в монастыре Лоро, на словах открыли ему свое обоюдное намерение принять монашество. Святой похвалил их стремление; однако Франческо, который, казалось, пылал куда большим желанием и уже получил письмо от провинциального викария о скором принятии в наш орден, он ответил так:

«Для тебя, Франческо, будет довольно и того, чтобы ты питал в душе это благое желание, дабы оно усердно побуждало тебя к благочестию. Ибо Бог призывает тебя не к иноческому званию, а скорее к тому, чтобы ты в благочестии управлял своей семьей».

Затем, обратившись к Антонио, чье стремление к иночеству было дотоле куда более прохладным, он молвил:

«А вот тебя, Антонио, тебя сам небесный Промысл призывает к монашеству. Укрепись духом и покажи себя достойным этой божественной милости».

Дав множество спасительных наставлений, которые могли бы помочь ему после вступления в орден, святой отпустил их обоих. И события в точности подтвердили оба предсказания человека Божия. Франческо, мало-помалу остыв от иноческого намерения, посвятил себя заботам о собственном доме. Антонио же, воспламеняясь с каждым днем всё больше, в конце концов присоединился к капуцинам под именем Викентия и со временем принял иерейское рукоположение.

[59] Марфизе, супруге Кристофоро Боно из Асколи, горько оплакивавшей долгое отсутствие мужа, от которого не было никаких вестей, святой предсказал его возвращение через три дня, а также поведал об опасностях, которых тот счастливо избежал.

А об Анджелике из Монте-Сан-Паоло – тогда еще совсем девочке, которую мать однажды привела к человеку Божию, дабы он осенил ее крестным знамением, – он предрек, что она принесет обет целомудрия и посвятит свою девственность Богу.

ГЛАВА V. ЧУДЕСА, КОТОРЫЕ СВЯТОЙ СОВЕРШИЛ ПРИ ЖИЗНИ.

[60] Поскольку же чудеса эти столь многочисленны, что, возьмись я описывать их все, читатель мог бы легко утомиться и вовсе отвлечься от чтения, я продолжу придерживаться краткости, как и прежде. Начну же я свой рассказ с тех людей, которые силою Божией исцелились через святого от всевозможных телесных недугов.

Первой среди них назовем некую рагузинку, супругу Вербио Филиппи из Оффиды, которая целых десять лет жестоко мучилась от тяжелых головных болей. Услыхав о чудесах Серафима, слава о которых разносилась повсюду, она подошла к нему в церкви и поведала о своем затажном недуге. Святой, возложив руку ей на голову, молвил: «Бог уже даровал тебе здоровье; позаботься же о том, чтобы показать себя достойной этой божественной благодати». И в тот же самый миг головная боль отступила и с тех пор больше никогда ее не мучила.

[61] Криспино Кори из Асколи, пораженный тяжелейшей болью в ногах, два месяца мучился ею так сильно, что не мог ими даже пошевелить. Дабы хоть немного отвлечься от боли, он велел отнести себя на городскую площадь. И вот, пока он вместе с другими предавался игре в карты, к ним подошел Серафим, выхватил карты из рук играющих и порвал их на клочки. Остальные игроки разбежались, и лишь один Криспино, скованный своей болезнью, остался на месте.

Человек Божий сказал ему: «Криспино, если ты пообещаешь, что впредь больше никогда не будешь играть, знай: ты исцелишься от своего недуга». Тотчас же Криспино с превеликой готовностью дал это обещание. Приняв его обет, человек Божий тут же коснулся рукой его ног, осенил их крестным знамением и вернул им такое здоровье и крепость, что человек, которого принесли туда на руках, вернулся домой пешком.

[62] Анджелика из Асколи так страдала от болей во всем теле, а кроме того и от сильного сердцебиения, что, не находя облегчения ни в каких лекарствах, отправилась к Серафиму и умоляла его испросить для нее помощи у Бога. Святой, осенив всё ее тело медным распятием, которое он носил прикрепленным к своему венчику, помолился вместе с ней некоторое время пред алтарем святой Евхаристии и, вновь оградив ее крестным знамением, отпустил с миром. Тотчас же Анджелика, избавившись от телесной боли и сердечного недуга, вернулась домой совершенно здоровой.

[63] Марчеллина, супруга Аломео из Асколи, мучилась от такой жестокой боли в левом боку, что у нее перехватывало дыхание и часто вырывались громкие стоны. Однажды Серафим, занимаясь по обыкновению сбором милостыни, застал ее сидящей у дверей своего дома. Услышав ее жалобные стоны из-за сильнейшей боли, он спросил о причине и, выслушав ответ, молвил: «Не сомневайся, боль отступит». Осенив ее своим распятием, он пошел дальше. Но едва он повернулся спиной, как женщина, совершенно избавившись от боли, встала здоровой и начала громким голосом возвещать о чуде.

А Беатриче, родственница человека Божия, целый год так сильно страдала от болей из-за подагры, что не знала ни минуты покоя. Однажды Серафим, застав ее лежащей в постели, молвил: «Что же ты здесь лежишь, Беатриче? Сейчас время не лежать, а трудиться!» Коснувшись ее ног своим распятием и осенив их крестным знамением, он обратил боль в бегство и навсегда избавил ее от подагры.

[64] От той же самой подагры он исцелил в городке Монтегранаро Мекоцио Дари, который долго страдал от этого недуга, осенив его крестным знамением и приложив свое распятие. Там же и таким же образом он полностью излечил от мигрени, мучившей ее долгое время, Филомену, супругу Франческо Брикки.

Проповедник нашего ордена брат Антоний из Чинголи страдал от затяжной головной боли, которая мучила его еще в мирской жизни. Но едва он благоговейно облобызал распятие, поданное ему Серафимом, которым святой также осенил его лоб, как тотчас избавился от боли и навсегда освободился от этого мучения.

А бр. Вергилий-Пацифик из Монтеруббьяно, монах-францисканец конвентуал, каждый год жестоко страдал от острейшей боли в плече и кисти руки. Будучи знаком с человеком Божиим, он однажды попросил его осенить себя крестным знамением. Получив благословение, он в тот же миг излечился от боли и впредь больше никогда ею не мучился.

[65] Подобным же образом получили от него полное исцеление (по большей части — через крестное знамение и приложение упомянутого распятия): Рокко из Асколи — от слабости в обеих руках; Аурания, супруга Ферранте Палетты из Асколи — от сильной боли в левом плече; Джованна, супруга Шипионе Профили — от опухоли и воспаления руки; Винченца — от волчанки, которой она жестоко мучилась, а в другой раз — от тяжелых родовых мук; Агостино Сессунци — от боли в кисти; брат-мирянин нашего ордена Валерий из Рипатрансоне — от зубной боли; Полиниче Туффина из Нованы — от мигрени; Инноченцо Питиоти — от колик; Урбиния из Асколи — от опухоли груди; асколанские женщины Беата Старилья и Марсина — от застарелой болезни почек; Бартоломео из Лоро — от кахексии; Бенедетто из Монтегвидоне — от костоеды; Джулия из Монтегранаро — от сильного отека всего тела; проповедник нашего ордена бр. Бонавентура из Мачераты — от головной боли; Лукреция Одоарди — от слабости и боли в коленях; Аурелия, супруга Пьетро Андреа из Нованы — от приступов колик; и, наконец, Бальдассаре Гримальди из Монтегранаро — от болей во всем теле.

[66] К этому следует добавить ушибы и раны, исцеленные человеком Божиим единственно силою Господней, как о том достоверно известно из канонизационного процесса.

Пехотный капитан Фламинио Чиначчо получил смертельную рану в грудь. Лекари навсегда вставили ему в саму рану золотую трубку, дабы через нее вытекал гной и чтобы рана, которая никак не могла затянуться, оставалась открытой. Эта трубка мучила больного больше всего остального. Поэтому, повстречав однажды Серафима, капитан слезно умолял его испросить для него у Бога исцеление от этой раны.

Человек Божий спросил: «Что же мучит тебя в этой ране?» Капитан немедля в ответ: «Золотая трубка, которую я ношу в ней». Тогда Серафим, подшучивая над больным, молвил: «Золотая трубка? Как, однако, загордилась твоя рана: не согласна сплевывать гной иначе, как через золотую трубку! Но уповай на Господа, Фламинио, твоя рана заживет и без нее».

Когда же бинты, скрывавшие рану, были размотаны, и она обнажилась, человек Божий тут же коснулся ее своим распятием и осенил крестным знамением. И едва он сотворил знамение креста, как золотая трубка сама собой выскочила из раны, ну а рана стала так быстро затягиваться, что через четыре или пять дней совершенно зажила уже без всякой трубки.

[67] Теодоро Тассо из Асколи страдал от свищевой язвы на правой руке, и никакие средства не могли ему помочь. Но стоило ему показать ее Серафиму, как тот осенил язву своим распятием; и вскоре Теодоро совершенно исцелился, так что во свидетельство чуда остался лишь один шрам. В благодарность за эту божественную милость он впоследствии посвятил себя Богу, вступив в орден капуцинов.

Корсиканский солдат Орацио Джаванья, пронзенный кинжалом в левый бок, не обрета исцеления ни в каких лекарствах, стремительно приближался к концу своей жизни. В это время Серафим, навещая больных в асколанском приюте, наткнулся на него. Убедив раненого примириться со своими врагами, он приложил свое распятие к ране и осенил ее крестным знамением, сотворив тем самым такое чудо, что уже на следующий день солдат невредимым поднялся с постели.

Солдат-артиллерист Агостино Импераччи, спасаясь бегством, дабы не угодить в тюрьму из-за того, что ранил сослуживца, наткнулся на младшего офицера своей роты, который нанес ему смертельную рану, пронзив насквозь оба бока. Итак, оказавшись перед лицом гибели, он попросил о молитве Серафима, и святой осенил обнаженную рану крестным знамением. Получив это благословение, Агостино на следующий же день встал с постели совершенно здоровым.

Джаннетто, управляющий поместьем Джанфранческо Корви, долгое время носил на лице черную карциному, которая изо дня в день всё больше разрасталась и пожирала плоть. Повстречав однажды Серафима, он попросил у него благословения. Святой тотчас осенил его своим распятием и отпустил с миром, совершенно исцелив его силою Божией.

[68] Подобным же образом он силою Божией исцелил: Франческо из Монте-Санто и Эмилию из Лоро — от раковых опухолей, обезображивавших их лица, Диану из Лоро — от паралича руки; Порцию, дочь Никколо Серафини, которая случайно отрубила себе палец так, что он висел на одной лишь коже; Читу Витторию Одоарди — от тяжелого нарыва; Джованни Камилло Арпини из Асколи — от раны на голове; Бальдассаре из Асколи — от тяжелого ранения головы; пехотного капитана Пирро Валериани — от язвы на руке, которая уже переходила в рак; Антонио Валломеи из Асколи — от глубокой раны в плече; Франческо Монсеи из Асколи — от свищевой язвы на бедре; десятилетнего мальчика Джованни Марини — от тяжелейшей раны на голове, полученной при падении.

Наконец, он излечил от неизлечимой язвы на руке губернатора города Асколи Марка Аурелио из Сполето. Когда человек Божий пришел к нему, чтобы попросить о помиловании одного заключенного, губернатор всё никак не поддавался на уговоры; однако, побежденный мольбами святого, он наконец сказал ему так: «Давай-ка, Серафим, заключим с тобой сделку: его держит в неволе преступление, а меня — страшная язва на руке. Если ты избавишь меня от язвы, то он по моему указу выйдет из тюрьмы на свободу».

Святой принял этот уговор и, несколько раз сотворив распятием крестное знамение над язвой губернатора Марка, тотчас же удалился. И едва он успел дойти до дворцовой лестницы, как Марк, увидев, что язва совершенно исцелилась, приказал отпустить узника из-под стражи на свободу.

[69] Теперь я перехожу к хромым и парализованным, которые обрели полное исцеление от человека Божия через одно лишь наложение крестного знамения. Первым назовем Винченцо Потенцу, который был так сильно парализован на одну ногу, что мог ступать ею лишь с превеликим трудом. Придя в таком состоянии к Серафиму, он умолял его помолиться об исцелении своей ноги. Святой же, будучи коротко с ним знаком, ответил: «Что ты жалуешься на ногу? Нет в твоей ноге никакой хвори». И тотчас, осенив его ногу своим распятием, он вернул ему способность свободно ходить.

Другой случай произошел с Саломеей, трехлетней дочерью Лукреции Антонелли, которая была настолько увечна на обе ножки, что не могла ни ходить, ни даже стоять. Однажды ее мать Лукреция, повстречав Серафима, попросила его молитв об исцелении девочки. Святой взял малышку на руки и, несколько раз осенив ее знамением святого Креста, опустил на землю и велел идти. И когда она свободно зашагала, словно и не страдала никогда никакой слабостью в ногах, святой предрек ее скорую кончину такими словами: «Не спешите радоваться тому, что теперь девочка свободно ходит; ибо вскорости вы увидите, как она обретет еще большее счастье, отойдя на небеса».

[70] Некая девушка была так сильно парализована от поясницы и ниже, что не могла даже пошевелить ногами. Поэтому, когда все средства лекарские были испробованы и у нее не оставалось никакой надежды на выздоровление, ее принесли к человеку Божию в Асколи и положили у самого порога церкви. Когда же знатная женщина по имени Порция стала горячо просить Серафима молиться за нее, человек Божий, подойдя к болящей, многократно осенил различные части ее тела своим распятием и обратился к ней с такими словами: «Встань, дочь моя, и ступай к святому Таинству Евхаристии, дабы возблагодарить Бога за ниспосланную милость». И тотчас девушка, чьи ноги окрепли, а всё тело вновь обрело здоровье, подошла к алтарю, а затем — пока все вокруг плакали от радости — вернулась домой пешком совершенно здоровой.

Другой случай произошел со Стефано из Каподириго (городка в окрестностях Асколи), который, упав с дерева и сломав бедро, восемь месяцев пролежал в постели, и после этого мог пройти лишь самую малость, едва передвигаясь на костылях. Повстречав Серафима, он умолял его испросить у Бога помощи в исцелении бедра. Святой, по своему обыкновению, перекрестил ему бедро распятием, отчего Стефано в то же мгновение совершенно выздоровел и, бросив костыли, пошел по своим городским делам легчайшей походкой — к немалому изумлению всех видевших это.

[71] Пьетро Манфреди из Монтегранаро при падении сломал ногу. И поскольку не мог он обрести исцеления ни от каких средств, то лежал прикованный к постели. Проходя однажды мимо и сжалившись над несчастьем юноши, Серафим сотворил над его ногой крестное знамение своим распятием, отчего Пьетро в то же мгновение совершенно выздоровел.

Той же самой силою Божией он вернул совершенное телесное здравие: Бернардо из Асколи и Джакоме, жене Манточчо, у которых были сломаны ноги; Джироламе, совершенно лишенной владения телом; Джованне, дочери Кандодоро из Асколи, с увечьем одной ноги; Диане из Лоро — от паралича руки; Оттавио Бандини, кардиналу Святой Римской Церкви, у которого была сломана нога; Теодоре, супруге Антонио Фрасси, разбитой параличом всего тела; Марии, дочери Семидеи, которая не могла пошевелить ни единым членом; Марино Дионизи из Монте-

Ольмо, сломавшему шейную кость при падении с дерева; и, наконец, Теодоре из Монтегранаро, переломавшей при падении все кости.

[72] Теперь я перехожу к слепым, немым, глухим, горбатым и страдавшим от неизлечимых недугов, об исцелении которых человеком Божиим написано в материалах канонизационного процесса.

Когда святой муж проезжал через городок Лоро, к нему подвели некую женщину, совершенно слепую на оба глаза. Как только он осенил ее своим распятием, на глазах у всего народа к ней тотчас же вернулось зрение. Исцелился и мальчик, сын некой приезжей женщины, дотоле страдавший слепотой. Едва мать привела его к человеку Божию в Асколи, святой приложил свое распятие к его глазам и сотворил крестное знамение, и в то же мгновение мальчик прозрел.

Особого восхищения достойно то, что приключилось с Джузеппе Ферранти из Лоро. Страдая от полной слепоты, он, наслышанный о славе Серафимовых чудес, исполнился такой великой веры в человека Божия, что совершенно убедил себя в своем неминуемом исцелении. И потому, когда он велел отвести себя к святому в Асколи, прямо в пути Господь, Который Своими дарами предваряет тех, кто горячо уповает на Него, вернул ему зрение. Еще одного ослепшего мальчика, сына Феличе Милиоры, святой исцелил в Асколи, помолившись и осенив его крестным знамением.

К ним следует добавить и многих других людей, жестоко страдавших от глазных болезней, которым человек Божий вернул совершенное здоровье. Среди них назовем Марию Джованну из Асколи, долгое время страдавшую от свища в правом глазу; Костанцу Патинелли из Асколи, ослепшую на правый глаз; асколанских девочек Читту Туччи и Санчу Орифили, потерявших зрение из-за оспы; а также Джованну из Монте-Ольмо, супругу Джованни Марини, которую ослепила искра от огня.

[73] Среди исцеленных от немoty упоминается некая Мария, дочь ткача Литпрандо. Оставаясь немой вплоть до четырехлетнего возраста, она обрела дар речи после того, как святой муж благословил ее и осенил своим распятием.

Отправившись в город Ези и пробыв в тамошнем монастыре несколько дней, человек Божий принял подведенную к нему десятилетнюю девочку по имени Катарина Оттавиани, которая до той поры могла объясняться лишь с помощью сбивчивых и нечленораздельных звуков. Коснувшись ее языка своим распятием и осенив ее крестным знамением, он велел ей произнести имя Иисуса, а затем – Марии. И когда она внятно их выговорила, то с тех пор стала говорить совершенно ясно.

Точно так же, проезжая через городок Монте-Санто и исцелив крестным знамением одного больного, он обнаружил там еще и немого; и, осенив его язык еще одним крестным знамением, даровал ему способность членораздельно говорить.

В то же самое время он сотворил крестное знамение над тринадцатилетним подростком Джироламо Вико, который был глух настолько, что не слышал даже колокольного звона, и вернул ему слух. Этим же крестным знамением он вернул былую стройность тела и горбуну, который ходил так низко согнувшись, что мог коснуться рукою земли.

[74] В числе неизлечимо больных первым заслуживает упоминания некий Чезаре Амурати из Монтегранаро. Страдая от неизлечимой опухоли в горле, он тотчас же исцелился силою Божией, едва Слуга Божий осенил его крестным знамением.

Вслед за ним одним лишь наложением крестного знамения человек Божий совершенно исцелил: сына Себастьяно Рубео, пораженного неизлечимым свищем в паху; Алессандро Бенедетти из Асколи, страдавшего венерической болезнью; Теодоро Адамо, покрытого проказой; Антонеллу Комментати из городка Монтегранаро – от неизлечимой язвы; Несбу, супругу Белизарио из Монтефучино, Винченцо Моро из Фермо и Джулио Блази из Асколи – от золотухи; Ипполиту из Асколи и Джованни Баттисту Джорджи – от водянки; Исбу, супругу Просперо Дженнази – от паралича; Читу Саломею, дочь Улиссе Кавалькавекки, Марию Помилию из Асколи, трактирщика Лодовико из Асколи и Паоло Веккьола из Асколи – от падучей болезни; Бальдассаре Мерлето из Асколи – от чахотки; и, наконец, Баттисту Пассакантандо из городка Лоро – от червивой болезни.

[75] К этим исцелениям следует добавить и умирающих, спасти которых уже не было никакой надежды, но которых Слуга Божий как бы вернул к жизни.

Баттиста Аурикола из Асколи, жестоко страдая от острой лихорадки и колик и не получив помощи от врачей, уже лишился чувств, стремительно приближаясь к концу своего жизненного пути. В это время к нему призвали Серафима. Помолившись немного, святой осенил умирающего своим распятием; больной тотчас же пришел в себя, вновь обретя утраченную надежду на выздоровление, а на пятый день встал с постели совершенно здоровым.

Агостина, супруга Марка Туллио из Асколи, заболела тяжелой ангиной. После того как множество лекарств было испробовано впустую, все врачи единогласно приговорили ее к смерти. Но она велела позвать Серафима и, получив от него благословение крестным знамением, на третий день совершенно оправилась от болезни.

В городке Монтегранаро уже всю готовились к похоронам Маргариты, дочери Альфонсо Нуццы, пребывавшей в предсмертных муках. Но призванный к ней человек Божий, перекрестив девочку распятием своим, так устрасил смертельный недуг, что на следующий же день обратил его в открытое бегство.

Риччо, сына Минервы из Асколи, мать и домочадцы уже оплакивали как мертвого, когда он лежал при смерти. Неожиданно пришедший человек Божий велел всем преклонить колени и прочесть Молитву Господню вместе с Ангельским приветствием. Затем, осенив умирающего крестным знамением, он сперва вернул ему надежду на жизнь, а вскоре и побудил к полному выздоровлению.

Наконец, Пандольфина, жена Улиссе Пальмишани, из-за затяжной водянки дошла до такого состояния, что лекари совершенно оставили всякую надежду на спасение ее жизни. Она попросила призванного к ней человека Божия, чтобы ей позволили хотя бы утолить жажду. Серафим, осенив ее крестным знамением, велел принести кувшин холодной воды и, благословив его знаком креста, ободрил больную такими словами: «Ну же, Пандольфина, теперь пей, сколько пожелаешь, и утоляй свою жажду!» И пока она пила, домочадцы с ужасом думали, что она испивает смертельную чашу. Но едва она утолила жажду, как водяночная опухоль стала спадать, и женщина так быстро пошла на поправку, что уже на следующий день встала с постели совершенно здоровой.

[76] Но дабы не показалось, что я обхожу вниманием прочих людей, исцеленных Слугою Божиим от различных недугов, перечислю-ка здесь еще некоторых из них.

Пераччо Марчарелли из Асколи так тяжело заболел острой лихорадкой, что лекари уже отчаялись в его исцелении, однако же по молитве человека Божия выздоровел. Точно так же и

его трехлетний сын, страдавший грыжей, совершенно исцелился, когда святой осенил его крестным знамением.

Теодору Алуитрати поразила некая опухоль на лице и болячка во рту. Опухоль так разрослась, что женщина едва могла принимать жидкую пищу. Но, получив от Слуги Божия благословение крестным знамением, она вскоре избавилась от обоих недугов.

Знатный асколанец Сильвестро Капони заболел тяжелой ангиной. Множество лекарственных средств было испробовано впустую; болезнь лишь усиливалась, и больному становилось всё хуже. В конце концов, прибегнув к молитвам Серафима, которого он почитал с особым благоговением, Сильвестро, после того как святой помолился и сотворил над его горлом крестное знамение, внезапно пошел на поправку и через день-другой встал с постели совершенно здоровым.

Младенец Серафино, сын Аматы Маркини, спустя несколько дней после рождения весь так распух, что мать уже почти потеряла надежду на то, что он выживет. Но когда на помощь призвали человека Божия, тот, едва заведя младенца на руках у матери, молвил: «Не тревожься о мальчике, младенец будет жить; и хотя сейчас ты видишь его столь распухшим, на третий день он у тебя совершенно выздоровеет». И когда он осенил мальчика крестным знамением, младенец тотчас же открыл глаза и начал выздоравливать, так что на третий день и впрямь встретил рассвет совершенно невредимым.

[77] Остается лишь вкратце пробежаться по прочим чудесам Слуги Божия, которые он повсеместно совершал помимо исцеления больных.

У жены Фиораванте Латини из Монте-Ольмо пропало молоко, которым она должна была кормить тяжело болевшего лихорадкой младенца. Когда все лекарские средства были испробованы впустую, муж в последней надежде обратился за помощью к Серафиму, повсеместно славившемуся своими чудесами. Святой прислал ему из монастыря хлеб, осененный крестным знамением, и велел, чтобы жена съела его. Вкусив этого хлеба, женщина не только обрела молоко в изобилии, но и сам младенец исцелился от лихорадки. Таким же образом получили от него обилие молока Мария Агостиля, супруга Луки Альбертини, и Тарсия, супруга Чезаре Джунты из Асколи.

Ипполито, сын Силенцио (родного брата Серафима), лишившись рассудка из-за колдовской порчи, три года скитался по разным краям словно безумный. Но когда его наконец привели к человеку Божию и тот осенил его лоб крестным знамением, он вернулся домой совершенно свободным от колдовских чар, и они больше никогда его не тревожили.

Подобным же образом Слуга Божий избавил от бесовской порчи и Агостино, юношу из Луко, городка в окрестностях Асколи.

[78] Однажды, когда человек Божий обходил горы в окрестностях Асколи, собирая в подаяние шерсть для монастырской ткальни, на него внезапно набросилась свора свирепых пастушьих собак. Псы с грозным лаем и разинутыми пастьми неслись прямо на него, но стоило святому осенить их крестным знамением, как они умолкли и смирились, словно на них накинута невидимая узду.

В другой раз, когда он возвращался в Асколи вместе с несколькими мирянами, пошел проливной дождь. Спутники его вымокли до нитки, однако, когда они под вечер вошли в город, все увидели, что на одежду Серафима не упало ни единой дождевой капли.

Как-то вечером в асколанском монастыре совсем не осталось хлеба. Гвардиан велел было послать к одному из благочестивых благодетелей ордена, чтобы попросить у него еды, но Серафим возразил ему: «К чему понапрасну беспокоить человека, когда в нашем хлебном ларе еды и без того в избытке?» На это гвардиан ответил: «Да ведь я сам только что проверял этот ларь и своими глазами видел, что он совершенно пуст!» Но человек Божий с улыбкой молвил: «Что ж, если там нет хлеба, значит, я лжец; однако давайте сперва заглянем туда вместе».

Они отправились к ларю и, открыв его, застыли в изумлении: по молитве святого мужа он оказался доверху набит свежим хлебом и праздничными пирогами, что повергло гвардиана и всю братию в величайшее изумление.

ГЛАВА VI. ВЕЛИКАЯ СЛАВА ПРАВЕДНОСТИ ЕГО: БЛАГАЯ КОНЧИНА И ЗНАМЕНΙΑ СВЯТОСТИ

[79] Благодаря этим и множеству иных чудес божественного всемогущества, через которые Всеблагий и Величайший Бог преизобильно свидетельствовал о заслугах и святости Своего Слуги, имя Серафима стало в Пицене столь прославленным, что в какой бы монастырской общине он ни жил, к нему отовсюду стекались толпы больных. В особенности же это проявилось в обители местечка Лауро. Там перед дверями церкви ежедневно можно было видеть такое великое множество лежащих немощных и больных, что это место мало чем отличалось от знаменитой иудейской купели Вифезда. И когда человек Божий осенял их распятием своим, то исцелял почти каждого.

Святой муж, правда, всячески этому противился и сопротивлялся, но поскольку Сам Бог поставил его посреди Церкви, словно светильник, дабы он сиял многим своим праведностью, то чем больше Серафим отгонял от себя толпы людей, тем многочисленнее они с каждым днем становились.

[80] Однажды, когда человек Божий проезжал через Монте-Ольмо, его окружила столь огромная толпа народа, что он едва смог вырваться из ее гущи, а его плащ и хабит были повсюду изрезаны людьми на лоскуты. То же самое часто случалось с ним и в ту пору, когда он был приписан к общине Монтегранаро: там он порой проводил целые дни, осеняя больных крестным знамением.

Это доставляло братии такое беспокойство, что гвардиан, как рассказывают, однажды сказал ему: если им придется и дальше терпеть это стечение народа, из-за которого часто срывались богослужения, то он приказом святого послушания свяжет его власть творить чудеса – точно так же, как некогда Бл. Отец наш Франциск отнял этот дар у бл. Петра Катанийского.

По этой причине, дабы избавить монастырскую общину от дальнейших тягот, Серафим переселился оттуда в Асколи. За то долгое время, что он там прожил, любовь города к нему возросла настолько, что все почитали его как небесного мужа и утешителя, дарованного городу свыше. Он же, со своей стороны, питал к Асколи столь сильную благосклонность, что осыпал его бесчисленными благодеяниями: не только чудесами исцелений, но и восстановлением общественного мира и взаимного согласия. В конце концов в качестве вечного свидетельства своей любви он оставил этому городу свои бранные останки на вечное хранение.

[81] Проведя в этом городе многие годы и стяжав великую славу своей праведностью, Серафим, которому было уже семьдесят лет, почувствовал приближение конца своей жизни, который он часто предсказывал ранее. Осознав его близость, он стал еще усерднее предаваться молитве и созерцанию божественного. И, словно только теперь начиная служить Богу, он изо

дня в день умножал свои подвиги в добродетелях, вернувшись в свои старческие годы к суровым постам и трудам времен юности. Наконец, дабы грядущий Господь не застал его неожиданно праздным или спящим, он со всем тщанием заботился, чтобы, подобно мудрым девам (*ср. Мф. 25:1-13*), держать наготове свой горящий светильник.

[82] Долгое время Серафим так терпеливо скрывал недуг в груди, что, хотя болезнь эта жестоко терзала его, словно острие копья, он до последнего никому не хотел о ней поведать. Когда же она в конце концов обострилась настолько, что уже грозила ему неминуемой кончиной, он, наконец, был вынужден о ней сообщить.

Внешне недуг, казалось, не проявлял никаких признаков смертельной опасности. Из-за этого и лекарь, и братия не придавали болезни особого значения и не видели в ней угрозы для его жизни, тем более что Слугу Божию не трепала лихорадка, и он не слег в постель. Но человек Божий прекрасно понимал, что эта болезнь не просто опасна для жизни, но наверняка приведет его к скорой кончине. Он до самой кончины откладывал предсказание срока ее, дабы, насколько это возможно, утаить ниспосланные ему Богом дары пророческого духа. Однако накануне своего ухода из жизни, желая приобщиться святых церковных Таинств, он со всей ясностью открыл, что близится его смертный час. И хотя братия по-прежнему не верила его заверениям, ему только в самом конце уделили святую Евхаристию в напутствие.

[83] Настал последний день человека Божия. Укрепленный святым Телом Господним, он пребывал в сладостных объятиях Его любви вплоть до третьего часа пополудни. В это время, попросив помазать себя елеем Последнего намащения, он получил от гвардиана прямой отказ. Не только настоятель не видел у него никаких признаков умирания, но и сам лекарь утверждал, что больной отнюдь не находится в смертельной опасности; поэтому гвардиан счел просьбу противоречащей церковному правилу, предписывающему совершать таинство Последнего помазания исключительно в смертный час.

Святой муж силился убедить братию, что этот смертный час для него уже настал, но, видя их упорство, молвил: «Что ж, пусть будет по-вашему. Однако то, что вы могли бы спокойно сделать сейчас, вскоре вам придется исполнять в великой спешке».

После этого, стоя в постели на коленях и молясь, он около четвертого часа пополудни возвел очи к небу и обратился к Господу с такими словами: «О Господи Иисусе, я говорю им, а они мне не верят – так скажи же им Ты Сам». Едва он произнес это, как лицо его побледнело, и он начал подавать явные признаки близкой смерти.

Тогда братья, присматривавшие за человеком Божиим, видя эту внезапную перемену в его лице, в величайшей спешке побежали за святым елеем и помазали Слугу Божию. И немного погодя после помазания он мирно уснул смертным сном, словно тихонько лег отдохнуть.

[84] Итак, когда Слуга Божий столь неожиданно для всех покинул сей мир, гвардиан, не напрасно опасаясь, что толпа ворвется к ним, не велел бить в колокол (как то было в обычае), чтобы весть о его смерти не разнеслась по городу. Однако по замыслу Всеблагого и Величайшего Бога, Который постановил явить святость Серафима открыто, случилось так, что мальчишки, бегая толпами по городу, стали громко возвещать, что святой муж умер. Услышав это, к монастырю вскоре стеклось такое множество народа, что город, где закрылись все торговые лавки, показался совершенно обезлюдевшим.

Вскоре городские власти назначили десятерых стражей, дабы те с величайшей бдительностью охраняли тело святого, чтобы его не унесли в другое место или не причинили ему какого-либо ущерба. И как только тело перенесли в церковь, толпа, получив возможность его увидеть,

встретила святого мужа такими громкими восклицаниями, прославляющими его чудеса и благодеяния, что гимны и хвалы ликующих звучали в церкви громче, нежели скорбные песни плачущих.

Вскоре все наперебой бросились целовать и обнимать святого: люди начали обрезать ему пряди волос, клочки бороды, ногти, разрывать на части хабит. Они устремились к нему со столь рьяным пылом, что с легкостью отсекли бы ему пальцы и прочие части тела, если бы предусмотрительные братия и те десять стражей не вырвали тело из гущи толпы и не заперли его за решеткой алтаря, куда народ уже никак не мог дотянуться. Между тем, три или четыре хабита, разорванные толпой на лоскуты, пришлось заменить на новые.

[85] Однако благоговение стекающегося народа возрастало еще сильнее оттого, что тело святого мужа оставалось на ощупь мягким и гибким, словно у спящего, и источало столь сладостное благоухание, что уподобилось небесному сосуду с мирром. Глубокой ночью, когда с наступлением темноты хождение толп прекратилось, тело святого, по просьбе городских старейшин, заперли в деревянном гробу и похоронили не в общей братской усыпальнице, а отдельно, под решеткой алтаря.

Но и на этом народное почитание святого мужа не остыло. Отовсюду – как из самого города, так и из соседних и отдаленных городков Пицена – к гробнице Серафима стали стекаться толпы людей: они приносили votivные дары и призывали имя его. Это побудило отцов города созвать совет и направить посланников к тогдашнему Верховному Понтифику Павлу V, дабы те от имени всего города просили начать процесс по расследованию жизни и чудес Серафима и приступить к его беатификации. Понтифик внял просьбам города, и первоначальное расследование было поручено местному ординарию.

Поскольку же число чудес у гробницы Серафима всё возрастало, в 1610 году с одобрения Священной Конгрегации Римской Инквизиции перед усыпальницей святого была установлена неугасимая лампада. С того времени знамения стали множиться так стремительно, что не только из Пицена, но и из более отдаленных краев – Абруццо, Ломбардии и Пьемонта – к его гробнице присылали votivные дары, свидетельствовавшие о чудесах, совершенных по предстательству сего святого мужа.

И дабы память о них не угасла, их надлежит собрать здесь в по возможности краткий компендиум, сохранив тот же порядок изложения, что и в материалах его канонизационного Процесса. Как и прежде, мы будем подразделять их лишь по роду чудес, дабы при дальнейшем подробном описании или кратком упоминании они различались с большей ясностью.

ГЛАВА VII. ЯВЛЕНИЯ СВЯТОГО ПОСЛЕ СМЕРТИ

[86] Итак, я начну свой рассказ с явлений блаженного мужа, в которых его весьма многие люди видели после смерти. В 1604 году, когда святой муж перешел от сего бедственного бытия к счастливейшему, в ту самую ночь, что последовала за днем его кончины, он в сиянии славы явился своей давней знакомой Порции Конти, которая еще ничего не знала о его смерти. И, сказав ей несколько утешительных слов, вознесся на небеса.

[87] В 1605 году Никколо Сальви из Асколи, пребывая в муках предсмертных, был восхищен духом на Суд Божий. Там он узрел Пресвятую Деву и множество других святых, которых при жизни чтит с особым благоговением, — они стояли по правую сторону от престола. По другую же сторону он увидел Серафима в окружении сонма блаженных капуцинов. В это время бесы выдвинули перед Судией множество обвинений против умирающего, но Серафим, взявший на себя защиту подсудимого, выступил с возражениями и отразил их нападки. Он перечислил

многочисленные дела христианского благочестия, совершенные Никколо, и, среди прочего, его великую щедрость и благотворения капуцинам.

Поэтому, когда дело дошло до взвешивания добрых и злых дел, благодаря стараниям и заступничеству Серафима Судия вынес оправдательный приговор. Поведав об этом миланскому священнику Франческо Марии, который в то время был его духовником, Никколо вскоре с миром почил в Господе.

[88] В 1605 году Шипионе Франческо Карелли из Абруццо, находясь в обители капуцинов в городке Ези, жестоко страдал от непрерывной лихорадки. Глубокой ночью он пробудился ото сна и увидел стоящего рядом старца-капуцина, который обратился к нему с такими словами: «Шипионе, дай мне правую руку».

И когда тот протянул руку, старец молвил: «Я – брат Серафим из Монтегранаро. Постарайся же впредь почитать Блаженную Деву и меня с особым благоговением, ибо по нашему заступничеству Бог уже даровал тебе исцеление».

Больной в то же мгновение совершенно выздоровел. И поскольку до той поры он ничего не слышал о Серафиме, то наутро поведал о своем видении братии. Иноки вознесли Богу благодарения, и тем самым им со всей ясностью открылась святость жизни почившего Серафима.

[89] Около 1622 года Элизабетта из Эрапуло, супруга Джованни Баттисты Джерардини, заболела чумной лихорадкой. Когда она уже лишилась всякой надежды выжить и шла подготовка к похоронам, она взмолилась о заступничестве к Серафиму, которого издавна глубоко почитала. В тот же самый миг он явственно предстал перед болящей и обратился к ней с такими словами: «Элизабетта, если ты в одеянии паломницы благоговейно посетишь мою гробницу, то обретишь полное здравие».

Сказав это, он тотчас исчез. С того самого часа Элизабетта начала идти на поправку. Вскоре она, как и было ей предписано, посетила гробницу Серафима и там совершенно исцелилась.

[90] Винченца, супруга Никколо Сальви, была охвачена смертельным недугом и находилась при смерти. Призвав в этот час Серафима, которого чтит с особым сердечным благоговением, она вскоре увидела его стоящим перед собой, преисполненного столь ослепительного света, что озарял своим сиянием весь дом. Он обратился к болящей с такими словами: «Отчего ты страшишься, Винченца, и почему сомневаешься в моем покровительстве? По моему заступничеству тебе будет даровано продление жизни; вскорости ты выздоровеешь». И поскольку с той самой поры болезнь начала отступать, женщина вскоре совершенно поправилась.

Джулиана, дочь Латино Ферри из Асколи, жестоко страдая от лихорадки и, сверх того, мучаясь от боли в груди, с искренней сердечной верой попросила уже почившего Серафима, чтобы он, как часто творил при жизни, осенил ее грудь своим распятием и прогнал лихорадку. Вскоре святой, представ перед нею в веселии и ликовании, сотворил крестное знамение и тем самым тотчас отогнал прочь и лихорадку, и грудную боль.

[91] Мария Агостиля из Асколи была доведена острой лихорадкой, сопровождавшейся жесточайшей головной болью, до такого безнадежного состояния, что, уже не чая помощи от врачей, стремительно приближалась к концу своей жизни. В этот час, горячо взмолившись к Серафиму о небесном заступничестве, она увидела его стоящим перед собой в сиянии небесной славы. Утешив болящую на словах, святой взял ее за обе руки, усадил на постели и в тот же миг совершенно исцелил.

Громким криком возвестив о чуде, женщина тут же призвала к себе мужа, который поспешно прибежал к ней вместе со всеми домочадцами. Поведав им о явлении Серафима и о ниспосланной ей милости исцеления, она побудила всех со слезами вознести благодарения Богу и слуге Его.

[92] Одиннадцатилетний мальчик Джузеппе, сын Феличе Монти из Асколи, страдал от затяжной лихорадки, которая в конце концов перешла в чумную. Когда он уже находился при смерти и шла подготовка к его похоронам, он призвал Серафима, прося о спасении жизни, побудив и домочадцев молиться святому. В самую полночь, в тот час, когда у капуцинов звонили к Утрени, он увидел Серафима стоящим перед собой и слышал голос, взывавший так: «Брат Иосиф!».

И когда мальчик, по обычаю братьев-иноков, ответил: «Аве Мария», Серафим, ласково потрепав его по плечу, молвил: «Не страшись, ты непременно будешь жить». Тотчас выздоровев, мальчик воскликнул: «О святой мой, о святой мой!» – и хотел было обнять святого мужа, но тот внезапно исчез с его глаз. Когда на крики мальчика сбежались отец и домочадцы, он поведал им, что Серафим спас ему жизнь и даровал исцеление.

Размышляя впоследствии о том, что Слуга Божий отнюдь не напрасно назвал его братом Иосифом, он по прошествии юношеских лет укрылся в обители капуцинов, сохранив среди нас имя брата Иосифа (Джузеппе).

[93] Порция, супруга Себастьяно Какарелли, увидев, что ночью в ее дом ворвалась вооруженная стража подесты, дабы арестовать ее мужа, нисколько не повинного в приписываемом ему преступлении, тотчас прибегла к помощи Серафима, которого чтила с особым благоговением. И молитва ее не была напрасной: в тот же миг отовсюду появилось множество дотоле незнакомых монахов и священников, которые вырвали Себастьяно из рук стражников.

В то время беременная Порция была больна. И вот, после этих событий св. о. Франциск и Серафим явились ей и сказали: «Порция, это мы послали тех, кто вызволил Себастьяно; так будь же и ты по нашему заступничеству свободна от своей болезни. Но сбрось мирские наряды и облачись в пепельный хабит» (третьего ордена. – прим. пер.). Она повиновалась им во всем.

После этого явления бл. о. Франциска и Серафима Порция провела всю ту ночь без сна в молитве. Внезапно она почувствовала, как плод, который она носила во чреве, словно бы оторвался от ее внутренностей и с сильным шумом опустился в низ живота. С этого мгновения из всех пор ее тела начало исходить отвратительное зловоние, а в самый час родов оно усилилось настолько, что казалось почти невыносимым.

Разрешившись от бремени мертвым и уже разлагающимся младенцем, она со слезами взмолилась к Серафиму, прося его вернуть жизнь рожденному дитяти хотя бы на то время, пока его не возродят в священных водах крещения. И просьба ее не осталась тщетной. Пока она продолжала слезно молиться, мертвый и гниющий младенец вдруг начал подавать некоторые признаки жизни: то шевельнется, то ротик откроет. Его тотчас же омыли в таинстве святого крещения, а спустя пять или шесть часов он испустил дух на руках у кормилицы.

Порция же, впав в это самое время в легкий сон, слышала, как Серафим говорит ей: «Ты, о Порция, тоже завершила бы свои дни вместе со своим плодом, если бы я не испросил для тебя жизнь у Господа. Воздай же благодарение Богу и приумножай божественное милосердие своим благочестием».

[94] Малатеста Маттеуччи страдал от жестоких болей в боку и почках. Помазавшись елеем из лампы, горящей пред гробницей Серафима, он в то же самое время удостоился явления блаженного мужа, который обратился к нему с такими словами: «Малатеста, вот, Серафим, которого ты призывал, избавляет тебя от боли и возвращает тебе здоровье». Он тотчас совершенно исцелился, а вскоре затем пришел босиком поклониться гробнице блаженного мужа, дабы ещё раз воздать за это благодарения Богу и Серафиму.

От таких же болей в боку и почках избавилась и Бланкина Модестини. Блаженный муж явился ей во сне, коснулся руками больного места и утешил ее словами: «Бланкина, боли уже покинули тебя».

Теренция, супруга Паолаччо из Асколи, часто страдавшая от маточных болей, молила Серафима заступиться за нее на небесах. И вот, она увидела, как святой стал перед ней и молвил ей такие слова: «Дочь моя, небеса стяжаются терпением и скорбями». Осенив ее тем самым распятием, которое он всегда носил при жизни, Серафим навсегда избавил ее от этой боли.

Также он мгновенно исцелил ногу Джуртине, жене Туллио Элетти из Асколи, которая тяжело повредила стопу при падении: он явился ей и коснулся больного места.

Кроме того, по его предстательству обрели совершенно здоровье: Прасседа Терциани, страдавшая от тяжелейшего недуга; Фабриция из Асколи, мучившаяся болями в ногах; Мариано Паризиани, болевший чумной лихорадкой; Лючия из Монтенуово (городка в окрестностях Асколи), страдавшая от болячки на языке.

[95] Тело Серафима еще не предали погребению, когда Фабрицио Фуркула из Асколи, долгое время лежавший в постели из-за немощи тела и увечья ног, услышав весть о его кончине, стал горячо просить святого в молитвах, чтобы ему было позволено увидеть и облобызать его прежде, чем гробница сокроет останки и навсегда унесет их с глаз долой. И святой муж с небес милостиво внял его мольбам: почувствовав после молитвы прилив телесных сил, Фабрицио, опираясь на костыль, медленно побрел к церкви капуцинов.

Увидев там тело Серафима, возлежащее на погребальных носилках, он помолился, подошел и облобызал его; и, испросив у святого полного исцеления, обрел просимое. Он отошел оттуда совершенно здоровым, так что даже, отбросив костыль, вернулся домой твердым шагом, целиком окрепнув во всем теле.

В то же самое время Порция из Асколи, жестоко страдавшая от зубной боли, подошла к погребальному одру и облобызала останки святого мужа. Тотчас избавившись от боли, она вознесла благодарения Богу и блаженному мужу.

[96] Филиппо Альбарини из Асколи целых восемнадцать месяцев пролежал в постели настолько расслабленным, что не мог пошевелиться без чужой помощи. Дав обет, он велел отнести себя к гробнице святого мужа и привесил к ней восковой дар весом в три фунта. И в тот же миг он почувствовал себя совершенно окрепшим и исцеленным Божественной силой, так что, еще не успев добраться назад в Асколи, ощутил полное выздоровление.

Мария Феличе, дочь Марко Лучидо из Асколи, так жестоко страдала от болезни коленей, что не могла и шагу ступить. Дав обет Серафиму и помазавшись елеем из лампы, горевшей пред его гробницей, она тотчас избавилась от недуга и стала ходить свободно.

Элизабетта, дочь Антонио из Бергамо, десять лет страдала от паралича одной руки. Молясь у гробницы блаженного мужа, она увидела, как многие верующие укрываются плащом, который

некогда носил Серафим. Коснувшись его больной рукой, она тотчас исцелилась от своей немощи.

[97] У Карло, сына Перуджины из Асколи, от рождения обе стопы были вывернуты назад, отчего он не мог ни ходить, ни стоять. После того как множество средств для исправления его ног было испробовано впустую, его мать наконец дала обет Серафиму, пообещав повесить всю одежду мальчика у гробницы святого, если к ребенку вернется способность ходить. Когда мальчика принесли к гробнице святого мужа и повторили обет, ребенок, носивший железные скобы, был поставлен на ноги и оказался не просто в состоянии стоять, но смог свободно шагать вперед и назад. Вскоре железные скобы, снятые с его голеней, и одежды мальчика были подвешены на гробнице во славу Божию и святого мужа.

Кроме того, Бальдассаре из Монтемонако, хромавший на одну ногу, Костанца из Анкарано с парализованной рукой и сын Джованни Доменико из Монтальто, увечный во всех членах от поясницы и ниже, – все они помазались елеем из лампы, горящей пред гробницей святого мужа, и обрели совершенное телесное здравие.

К ним следует добавить и многих других людей, страдавших от слепоты или неизлечимых глазных болезней, которые совершенно исцелились по заступничеству сего святого мужа. Среди них особого упоминания заслуживает дочь Маурицио из Патриньоне, совершенно ослепшая на оба глаза из-за оспы. Когда мать потеряла ей глаза клочком хабита блаженного мужа, девочка начала немного видеть свет, а когда мать повторила это натираие во второй и в третий раз, зрение восстановилось полностью.

[98] Дочь Джованни Франческо из Асколи по имени Чирта из-за такой же самой оспы крайне оскудела зрением: на правый глаз полностью ослепла, а другим видела так смутно, что едва могла безопасно передвигаться по дому. Измученная к тому же еще и крайней нуждой, она со слезами просила Серафима, чтобы он, столь щедро изливающий свою помощь на других, не отказал в том и ей, вернув зрение, за что пообещала принести в дар к его гробнице пару серебряных глаз.

Святой муж не оставил без внимания мольбы бедной женщины, но призрел с небес: едва она поднялась после молитвы, как почувствовала, что видит гораздо яснее, и зрение у нее мало-помалу улучшалось, так что на следующий же день у нее по милости небес оба глаза стали совершенно здоровы.

[99] Среди тех, кто мучился от различных телесных болей и получил от них избавление по заступничеству сего святого мужа, первым следует назвать Пьетро из Монтегранаро. Охваченный жесточайшей головной болью, он дал обет посетить досточтимую гробницу человека Божия и без малейшего промедления исцелился Божественной силой. Посетив гробницу человека Божия, от такой же боли избавились Мансуэта из Асколи, Альберина Джовенали, Доменика из Кампли и Делия, служанка Марчеллины Корнили.

Теодора Джинестики, измученная родовыми схватками, благополучно разрешилась от бремени вскоре после того, как ее осенили распятием, принадлежавшим некогда Серафиму. Дзенобия, супруга Гаспаре Туччи, опоясавшись веревкой блаженного мужа, избавилась от родовых мук. Подобным же образом благополучное разрешение от родов было даровано Маурелии Конфетти, Феличе Монти и Арджерии, супруге Феличе Грасси.

Дав обет Серафиму, получили исцеление от своих недугов: Мария, жена Мантуччо из Асколи, мучившаяся от боли в плече; Гаспарина из Асколи – от боли в груди; Мария Пеллигани – от боли под коленом; Катарина из Черрето – от боли в почках; Джулиана, супруга Массароне

Ферри, – от боли в груди; Николея из Асколи, жена цирюльника Курцио, – от зубной боли; Лодовика, дочь Фебо из Асколи, – от боли в желудке; Мансуэта из Асколи – от боли в голених; Эузебия, жена Джованни Кардинали, – от боли в руке; Симона из Монтемонако – от общего телесного недуга; Мария Джованна из Ортоны – от колик; Джунипера Алессандрина из Педазо – от боли в ушах; Бенедетто из Монтеруббьяно – от боли в бедрах; Сальпиция Пелагалья из Оффиды – от боли в боку; и, наконец, Маттеа Аустей из Патриньоне и Катарина, супруга Франческо Пьячентини, жестоко страдавшие желудочными болями.

[100] Теперь я перехожу к тем, кто обрел исцеление по заступничеству блаженного мужа, страдаая от лихорадки и различных недугов.

Первой среди них следует назвать Друзиллу из Монтемонако, супругу Доменико Гарулли. Охваченная лихорадкой, она к тому же страдала от кровотечения, остановить которое не помогало ни одно средство. Но стоило ей помазаться елеем из лампы святого мужа, как кровотечение тотчас прекратилось, и лихорадка отступила.

Помазавшись тем же самым елеем из лампы, по заступничеству блаженного мужа получили исцеление: Ипполита из Монтеруббьяно – от трехдневной лихорадки; Паоло Буччи из Луко – от непрерывной лихорадки; Гаспаре Алессандрини из Кампли – от кровотечения; Эмидио Рокки, сын знатного асколанца, – от чумной лихорадки; Катарина, дочь Джованни Паоло Бононьолы, – от падучей болезни; а также Анджело Монтеуччи и Трояно Галло из Озимо – от грыжи.

Асканио, сын Винченцо Пилати, долгое время чахнувший от венерической болезни, тотчас же совершенно от нее очистился и выздоровел по обету, который его мать дала Серафиму. Тазия из Кастиньяно, помазавшись елеем святого мужа, исцелилась от каменной болезни. Парализованная Лючия из Монтальто, которую принесли к гробнице блаженного мужа в Асколи, получила избавление от паралича. А мальчик Джузеппе, у которого иссохли все члены, вновь обрел здоровье у гробницы блаженного мужа.

[101] Когда останки святого мужа перенесли в другую гробницу, многие стали разбирать на щепки куски его прежнего деревянного гроба. По милости Божией они испытали на себе множество чудес, происходивших от древесной пыли, соскобленной с него. В числе людей, с которыми такое случалось, упоминаются Ченсио из Ортоны, а также Шипионе и Пьетро Барба. Страдая от чумной лихорадки, они выпили немного воды, смешанной с этой пылью и в тот же миг обрели исцеление. Четвертой же стала Мария Джованна из Ортоны, жена Джузеппе Балларини: жестоко мучаясь от колик, она тоже выпила воду с этой пылью и совершенно поправилась.

[102] Должники Марии из Кампли, желая избавиться от ее докучаний, напали на нее в ее же доме с кинжалами, пытаясь пронзить ее множественными ударами. Но после первой же раны женщина призвала на помощь Серафима, и все последующие удары пришлось впустую, не причинив ей вреда и пронзив лишь ее верхнее платье и исподнюю рубашку. Затем полученная ею первая рана, оказавшаяся смертельной, была помазана елеем святого мужа и в скором времени совершенно зажила.

Другой случай произошел с Чезаре из Модены: он был ранен в лицо мушкетной пулей, отчего не мог ни открыть рот, ни принимать пищу. Когда человеческие средства не принесли никакой пользы, его помазали елеем от гробницы блаженного мужа, и благодаря чудодейственной силе этого елея рот у него вскоре открылся, а рана за короткое время совершенно зажила.

[103] Шестую же разновидность больных составляют те, кто был вырван из пасти смерти исключительно божественной силою — по заступничеству святого мужа.

Первой в этом ряду следует назвать трехлетнюю девочку Катарину Николини из Марано. Внезапно пораженная сильным недугом и лишившись всех внешних чувств, она находилась уже ближе к гибели, нежели к жизни. Но едва ее помазали вышеупомянутым елеем из лампы, она открыла глаза, вновь обрела дар речи и в течение четверти часа совершенно исцелилась от болезни.

Помазавшись тем же самым елеем, Мария Мукрарелли, смертельно болевшая и стремительно приближавшаяся к концу своей жизни (поскольку искусство врачей уже не могло принести ей никакой пользы), тотчас же восстала к жизни и полному здравию.

Третьим же стал Джамбаттиста из Торчано, укрепленного замка в окрестностях Фермо. Совершенно лишившись надежды исцелиться от болезни, превосходившей силы человеческой природы, он, будучи помазан упомянутым елеем, окреп, восторжествовал над недугом и удостоился счастья жить далее.

[104] Джузеппе из Асколи, страдая от смертельно опасной лихорадки, впал в столь безнадежное состояние, что после приговора врачей для него уже стали готовить похороны. В это время он дал обет святому мужу, пообещав благоговейно почитать его гробницу и принести в дар серебряную голову. В тот же самый миг лихорадка бежала от него прочь, отступила головная боль, от которой он жестоко мучился, и вскоре он встал с постели совершенно здоровым.

Мария из Джулиановы, супруга Джироламо Доменичи, была доведена коликами и каменной болезнью чуть ли не до могилы. Но стоило ей привязать к шее крошечный лоскут от хабита святого мужа и призвать его имя, как она тотчас же обрела исцеление, вернувшись к жизни и полному здравию.

Жизнь Пьетро Санте из Асколи из-за припадков острой и чумной лихорадки находилась в столь великой опасности, что не оставалось совершенно никакой надежды на его исцеление. В этот час его жена вместе со всеми домочадцами взмолилась к Серафиму о небесной помощи, дав обет привесить к его гробнице votivную табличку во свидетельство дарованной милости. Вскоре больной обильно покрылся потом, лихорадка отступила, и он, быстро восстановив силы, поднялся с постели.

[105] Девочка Мария Франческа, дочь Руджеро Ромоальди, вымоленная у Бога по предстательству бл. о. Франсиска, заболела оспой так тяжело, что врачи признали ее совершенно безнадежной. Но когда мать дала за нее обет Серафиму, святой явился ей и возвестил о грядущем выздоровлении ребенка.

Жизнь Джулио Чезаре Грифонелли, настоятеля церкви святого Иакова в городе Асколи, находилась в столь безнадежном состоянии, что врачи отводили ему не более трех-четырех часов жизни. В это время все домочадцы горячо молились за него, прося Серафима о заступничестве. И когда больному принесли лоскуток тонкого шелка, прикасавшийся ранее к телу святого мужа, и положили ему на грудь, он в тот же миг так укрепился Божественной силой, что лихорадка отступила, и вскоре он обрел совершенное здоровье.

Жена Бартоломео Маринелли, а также Мароча, супруга Пьетро Валенте, столь жестоко мучились родовыми болями, что все полагали, будто при разрешении от бремени они расстанутся с жизнью. Однако, опоясавшись веревкой святого мужа, обе избежали смертельной опасности и благополучно произвели на свет младенцев.

Джованни Франческо, впавший в третью стадию гектической лихорадки, был по единогласному суждению врачей обречен умереть. Но, благоговейно почтив гробницу святого мужа, он вернулся оттуда совершенно здоровым.

Джованни Эсклепио, находясь при смерти, выпил воду, в которую была предварительно погружена частица хабита святого мужа, и вместе с ней впитал в себя совершенное телесное здравие.

[106] Также и многие другие благодеяния ниспослал больным с небес святой муж. Как по самому событию исцеления, так и по способу, коим оно совершалось, было совершенно очевидно, что они сотворены единственно силою Божией.

Однако чудо, о котором пойдет речь далее, всецело превосходит любой способ исцеления и самый порядок природы. Ибо каждому известно, что одному лишь Творцу всего сущего, вдохнувшему душу в человека, принадлежит власть возвращать ее в тело, после того как она однажды с ним разлучится. О том свидетельствует и само Священное Писание, подтверждая устами Соломона: «Ты, Господи, имеешь власть жизни и смерти и низводишь до врат ада и возводишь. Человек убивает по злобе своей; но не может возвратить исшедшего духа и не может призвать взятой души» (*Прем. 16:13-14*).

Поэтому, поскольку здесь речь пойдет о душе девочки, воскрешенной из мертвых, да будет отброшено всякое сомнение в том, что нам надлежит признать в этом дело Божественного всемогущества.

Итак, двухлетняя девочка, дочь Джулио Маранци из Спинителло, в то время когда обоих родителей не было дома, оставшись без присмотра, упала в глубокую цистерну со зловонной водой. Услышав всплеск, кто-то из слуг поспешил туда и, увидев ушедшую под воду девочку, растерялся и стал звать отца, который находился неподалеку. Прибежавший отец потребовал лестницу; однако из-за всеобщей паники с мгновения падения ребенка прошло уже около получаса, прежде чем лестницу принесли.

Тем временем девочка, дважды или трижды поднявшись из глубины на поверхность (что свидетельствовало о том, что она захлебнулась и умерла), уже неподвижно плавала на спине. Ее извлекли из цистерны-водосборника и всеми возможными способами попытались проверить, жива ли она еще, но девочка не подавала совершенно никаких признаков жизни. Более того, почерневшее лицо и распухшее тело неопровержимо доказывали всем, что она мертва; и родители принялись горько оплакивать ее как покойницу.

Эта девочка была у родителей единственной дочерью. Поэтому, видя, что все средства человеческого искусства совершенно исчерпаны, они по обоюдному согласию прибегли за помощью к Серафиму, чьи чудеса тогда прославлялись повсюду, и с обильными слезами стали вымаливать у него жизнь для своего ребенка. К молитвам они добавили обет: если девочка их оживет, то приведут ее к гробнице святого, подвешат у гробницы ее одежды и прикрепят туда же votivную табличку во свидетельство чуда и ради вечной памяти об этом событии.

Едва оба родителя успели облечь свой обет в слова, как девочка вернулась к жизни: цвет ее лица вновь стал естественным, и она позвала мать. Тотчас же к небесам вознеслись голоса людей, громко восклицавших от радости и прославлявших чудо. Воздав благодарения Богу и святому мужу, родители впоследствии в точности исполнили обеты, данные Серафиму.

[107] Помимо чудес, о которых было рассказано до сих пор, следует упомянуть и некоторые другие, ниспосланные с небес как больным, так и прочим людям, взывавшим к святому мужу о помощи.

Еще при жизни Серафима Вирджиния Туччи получила от него клочок бумаги с начертанным на нем именем Иисуса. Исцелившись благодаря этой бумаге от некоего тяжелого недуга, она впоследствии, уже после смерти святого мужа, помогла с ее помощью исцелиться бесчисленному множеству больных.

Энеа Фастори из Лауро, когда Серафим был еще жив, получил от него хлеб, чтобы отнести своей больной сестре Лауре. Исцелившись благодаря этому хлебу, Лаура после кончины святого мужа раскрошила его на кусочки и, раздавая их многим больным, помогала им полностью выздороветь.

Еще один хлеб, который святой муж во время своей земной жизни передал Диане из Лауро, после его смерти сотворил множество подобных же чудес. Таким же образом после кончины Серафима множество чудес было совершено и посредством четок, которые он подарил при жизни некой Софониссе.

[108] Алессандро из Черрето, городка в окрестностях Асколи, когда разразилась внезапная буря, никак не мог уберечь от опасности потопа свою пшеницу, разложенную на гумне. Обратив взор в сторону Асколи, он взмолился Серафиму, прося его спасти урожай. И молитва его не осталась без ответа: в то время как соседние гумна были опустошены потоками воды, на гумно Алессандро по милости Божией не упало ни единой капли дождя.

У сукновала Пьетро Сарделлы украли плащ. Не зная, кто вор, он стал молиться Серафиму о возвращении пропажи, и вскоре некий городской священник-исповедник вернул ему этот плащ.

Лоренцо Шьярра, лишившийся рассудка из-за болезни, после многих лет безумия приближался к своему последнему дню, рискуя притом умереть без причастия Таинств, ибо так и не пришел в сознание. Скорбя об этом, Спинелло связал себя обетом Серафиму: он пообещал благоговейно почтить гробницу святого, если тот вернет больному здоровье ума хотя бы на то время, чтобы он смог принять Церковные Таинства. И едва был принесен этот обет, как Лоренцо пришел в рассудок, причастился Святых Таинств и благочестиво почил в Господе.

Перевод: Константин Чарухин
Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США: PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: BPKOPLPW

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА